

I. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Информация для цитирования:

Барциц И. Н. Конституционный дизайн (о красоте и эстетике конституций) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 41. С. 344–370. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-344-370.

Bartsits I. N. Konstitutsionnyy dizayn (o krasote i estetike konstitutsiy) [Constitutional Design (on the Beauty and Aesthetics of Constitutions)]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2018. Issue 41. Pp. 344–370. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-344-370.

УДК 342.41

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-344-370

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ ДИЗАЙН
(О КРАСОТЕ И ЭСТЕТИКЕ КОНСТИТУЦИЙ)**

И. Н. Барциц

Доктор юридических наук, профессор,
директор Института государственной службы и управления
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, 82
ORCID: 0000-0002-1173-9068
ResearcherID: D-8179-2017
E-mail: in.bartsits@migsu.ranepa.ru

Поступила в редакцию 01.02.2018

Введение: статья посвящена осмыслению, раскрытию и описанию такого феномена, как «конституционный дизайн» в конституционной теории и практике в части его и использования для оценки эстетики, красоты и топологии конституции, а также средств юридической лингвистики и юридической техники. Приводя различные точки зрения по этому вопросу, автор приходит к выводу не только о целесообразности использования термина «конституционный дизайн» в конституционно-правовой практике, структурировании текста, а также расстановки акцентов и артикуляции отдельных содержательных позиций конституции, но и его отличительных чертах: характере, истоках и источниках, традициях и обычаях в конституционном строительстве различных государств на протяжении их истории и становления государственности. Особое внимание уделено вопросам эволюции самого дизайна конституций, конституционно-правовой мысли и их обусловленности глубинными изменениями в развитии общества, права и культуры. **Цель:** сформировать представление о конституционном дизайне, его содержании и возможностях использования в теории конституционного процесса на основе анализа научных источников, практики конституционного проектирования и моделирования, текстов конституции и других конституционно-правовых норм. **Методы:** проводя эмпирическое исследование, автор использует методы компаративного анализа, классифицирует и интерпретирует исторические данные и, благодаря системному подходу, синтезирует выводы о значении конституционного дизайна в конституционной теории и практике. **Результаты:** доказано, что каждое общество при создании конституции пользуется различными, присущими только ему или, наоборот, заимствованными у других народов приемами и принципами конституционного дизайна, при этом конструкции конституционного дизайна не являются застывшими формами, их содержание постоянно переосмысливается и дополняется. Обосновывая значение конституционного дизайна для государства и общества, автор разрабатывает перечень критериев для анализа «кон-

© Барциц И. Н., 2018

I. CONSTITUTIONAL LAW

Information for citation:

Bartsits I. N. Konstitutsionnyy dizayn (o krasote i estetike konstitutsiy) [Constitutional Design (on the Beauty and Aesthetics of Constitutions)]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2018. Issue 41. Pp. 344–370. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-344-370.

UDC 342.41

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-344-370

**CONSTITUTIONAL DESIGN
(ON THE BEAUTY AND AESTHETICS OF CONSTITUTIONS)**

I. N. Bartsits

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa)
82, prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia
ORCID: 0000-0002-1173-9068
ResearcherID: D-8179-2017
E-mail: in.bartsits@migsu.ranepa.ru

Received 01.02.2018

Introduction: this article aims to comprehend, explore and describe Constitutional Design as a phenomenon of constitutional theory and practice in terms of its usage as a criterion for assessing the aesthetics, beauty and topology of constitutions, as well as the tools of legal linguistics and legal writing. Analyzing different points of view on this matter, the author makes conclusions not only with regard to the usefulness of the concept of Constitutional Design in constitutional and legal practice, text structuring, articulation and prioritization of specific constitutional content but also concerning the features of Constitutional Design – its nature, roots and sources, constitutional customs and traditions of different countries throughout their history and statehood development. The author pays special attention to the evolution of constitutional design as such, constitutional and legal thought, their dependence on profound changes in the course of development of the society, law, and culture. **Purpose:** to develop a thorough understanding of constitutional design, its content, and applicability to the constitutional theory based on the analysis of scientific sources, practice of constitution-drafting and modeling, texts of constitutions, and other constitutional and legal provisions. **Methods:** in the course of this empirical study, the author uses methods of comparative analysis, classifies and interprets historical data, and uses a system approach to draw conclusions regarding the importance of Constitutional Design in constitutional theory and practice. **Results:** it has been proven that in the constitution-making process every society relies upon various techniques and principles of Constitutional Design, peculiar to it or borrowed. However, Constitutional Design structures are not rigid, their content is subject to continuous rethinking and amendment. Substantiating the importance of Constitutional Design to the state and society, the author develops a set of criteria for the analysis of Constitutional Design, in particular its dependence on political and cultural values of the state and society, the need to establish linkages between political views, ideas, political culture, government and social institutions, to develop an institutional framework conducive to the attainment of social welfare goals, etc. **Conclusions:** comparative legal analysis of different countries' constitutional texts has revealed both significant differences between constitutional concepts and borrowings of various approaches and even wordings by constitution designers – i. e. migration of constitutional ideas. At the same time, Constitutional Design is an attribute and integral part of constitutionalism. Therefore, developing ways to gain

© Bartsits I. N., 2018

ституционного дизайна», в частности его обусловленность политическими и культурными ценностями государства и общества, необходимость формирования системы связей между политическими взглядами, идеями, сложившейся в обществе политической культурой, государственными и социальными институтами, разработки конструкции институтов, способствующих достижению целей общественного благосостояния, и др. **Выводы:** сравнительно-правовой анализ текстов конституций различных стран позволил выявить как существенные различия в концептах построения конституций, так и заимствования проектировщиками конституций тех или иных подходов и даже формулировок – миграцию конституционных идей. При этом конституционный дизайн является неотъемлемым признаком и частью конституционализма, а комплекс критериев позволяет достигать лучшего выражения конституционно-правовой мысли, способствует обеспечению конструктивной правовой красоты и эстетики закона, отражению исторического опыта народа, современного состояния государства и формирования картины его будущего развития.

Ключевые слова: конституция; конституционный дизайн; парламентаризм; институциональный дизайн; демократия; общество

CONSTITUTIONAL DESIGN (ON THE BEAUTY AND AESTHETICS OF CONSTITUTIONS)

I. N. Bartsits

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА)
82, Vernadskogo prospect, Moscow, 119571, Russia

ORCID: 0000-0002-1173-9068

ResearcherID: D-8179-2017

E-mail: in.bartsits@migsu.ranepa.ru

Received 01.02.2018

Introduction: this article aims to comprehend, explore and describe Constitutional Design as a phenomenon of constitutional theory and practice in terms of its usage as a criterion for assessing the aesthetics, beauty and topology of constitutions, as well as the tools of legal linguistics and legal writing. Analyzing different points of view on this matter, the author makes conclusions not only with regard to the usefulness of the concept of Constitutional Design in constitutional and legal practice, text structuring, articulation and prioritization of specific constitutional content but also concerning the features of Constitutional Design – its nature, roots and sources, constitutional customs and traditions of different countries throughout their history and statehood development. The author pays special attention to the evolution of constitutional design as such, constitutional and legal thought, their dependence on profound changes in the course of development of the society, law, and culture. **Purpose:** to develop a thorough understanding of constitutional design, its content, and applicability to the constitutional theory based on the analysis of scientific sources, practice of constitution-drafting and modeling, texts of constitutions, and other constitutional and legal provisions. **Methods:** in the course of this empirical study, the author uses methods of comparative analysis, classifies and interprets historical data, and uses a system approach to draw conclusions regarding the importance of Constitutional Design in constitutional theory and practice. **Results:** it has been proven that in the constitution-making process every society relies upon various techniques and principles of Constitutional Design, peculiar to it or borrowed. However, Constitutional Design structures are not rigid, their content is subject to continuous rethinking and amendment. Substantiating the importance of Constitutional Design to the state and society, the author develops a set of criteria for the analysis of Constitutional Design, in particular its dependence on political and cultural values of the state and society, the need to establish linkages between political views, ideas, political culture, government and social institutions, to develop an institutional framework conducive to the attainment of social welfare goals, etc. **Conclusions:** comparative legal analysis of different countries' constitutional texts has revealed both significant differences between

a better understanding of this process facilitates clearer expression of the constitutional and legal thought, underpins the legal beauty and aesthetics of the structure of law, helps to reflect the people's historical experience and current status of the state, to present the vision by the state of its future development.

Keywords: constitution; constitutional design; parliamentarianism; institutional design; democracy; society

Information in Russian

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ДИЗАЙН (О КРАСОТЕ И ЭСТЕТИКЕ КОНСТИТУЦИЙ)

И. Н. Барциц

Доктор юридических наук, профессор,
директор Института государственной службы и управления
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, 82

ORCID: 0000-0002-1173-9068

ResearcherID: D-8179-2017

E-mail: in.bartsits@migsu.ranepa.ru

Поступила в редакцию 01.02.2018

Введение: статья посвящена осмыслению, раскрытию и описанию такого феномена, как «конституционный дизайн» в конституционной теории и практике в части его и использования для оценки эстетики, красоты и топологии конституции, а также средств юридической лингвистики и юридической техники. Приводя различные точки зрения по этому вопросу, автор приходит к выводу не только о целесообразности использования термина «конституционный дизайн» в конституционно-правовой практике, структурировании текста, а также расстановки акцентов и артикуляции отдельных содержательных позиций конституции, но и его отличительных чертах: характере, истоках и источниках, традициях и обычаях в конституционном строительстве различных государств на протяжении их истории и становления государственности. Особое внимание уделено вопросам эволюции самого дизайна конституций, конституционно-правовой мысли и их обусловленности глубинными изменениями в развитии общества, права и культуры. **Цель:** сформировать представление о конституционном дизайне, его содержании и возможностях использования в теории конституционного процесса на основе анализа научных источников, практики конституционного проектирования и моделирования, текстов конституции и других конституционно-правовых норм. **Методы:** проводя эмпирическое исследование, автор использует методы компаративного анализа, классифицирует и интерпретирует исторические данные и, благодаря системному подходу, синтезирует выводы о значении конституционного дизайна в конституционной теории и практике. **Результаты:** доказано, что каждое общество при создании конституции пользуется различными, присущими только ему или, наоборот, заимствованными у других народов приемами и принципами конституционного дизайна, при этом конструкции конституционного дизайна не являются застывшими формами, их содержание постоянно переосмысливается и дополняется. Обосновывая значение конституционного дизайна для государства и общества, автор разрабатывает перечень критериев для анализа «конституционного дизайна», в частности его обусловленность политическими и культурными ценностями государства и общества, необходимость формирования системы связей между политическими взглядами, идеями, сложившейся в обществе политической культурой, государственными и социальными институтами, разработки конструкции институтов, способствующих достижению целей общественного благосостояния, и др. **Выводы:** сравнительно-правовой анализ текстов конституций различных стран позволил выявить как существенные различия в концептах построения конституций, так и заимствования проектировщиками конституций тех или иных подходов и даже формулировок – миграцию конституционных идей. При этом конституционный дизайн является неотъемлемым признаком и частью конституционализма, а комплекс критериев позволяет достигать лучшего выражения конституционно-правовой мысли, способствует обеспечению конструктивной правовой красоты и эстетики закона, отражению исторического опыта народа, современного состояния государства и формирования картины его будущего развития.

constitutional concepts and borrowings of various approaches and even wordings by constitution designers – i. e. migration of constitutional ideas. At the same time, Constitutional Design is an attribute and integral part of constitutionalism. Therefore, developing ways to gain a better understanding of this process facilitates clearer expression of the constitutional and legal thought, underpins the legal beauty and aesthetics of the structure of law, helps to reflect the people's historical experience and current status of the state, to present the vision by the state of its future development.

Keywords: constitution; constitutional design; parliamentarism; institutional design; democracy; society

«Конституционный акт можно сравнить с гипсовой маской или слепком, снимаемым с живого лица действительности. Но, в отличие от гипсовой, конституционная маска не только отливается по своему оригиналу, но в значительной степени определяет дальнейшее развитие его черт».

В. Н. Дурденевский [11, с. 9]

«Конституции созданы, а не найдены. Они не падают чудесным образом с неба и не растут естественным образом на лозе. Они человеческие творения, продукты договоров, выбора, конкретной истории конкретного народа и (почти всегда) политической борьбы, в которой одни выигрывают, а другие проигрывают. Несомненно, в этом русле следует утверждать, что наша конституция есть больше то, что мы делаем, нежели то, что мы создаем: мы (ре)формируем ее все время через нашу коллективную деятельность».

Анна Ф. Питкин [67, p. 168]

Как должна выглядеть конституция? Должна ли она, представляясь основным законом, по своей форме и своему содержанию отражать особенности государства и народа, которым призвана служить? Существует ли универсальный проект, который мог бы стать эталоном или послужить лекалами при проектировании новых конституционных текстов? Почему в печатном виде конституции Бразилии и Индии образуют увесистый том, в котором могли бы поместиться все конституции европейских государств? Почему конституции США удается успешно защищаться от изменений на протяжении двух с половиной веков, а Франция и Россия регулярно прибегают к воплощению своих основных законов в новой текстовой версии? Почему основной закон Германии, Испании и Италии можно прочесть, а представителям Великобритании и Израиля приходится объяснять, что вкладывается в понятие «неписаная конституция»?

Перечень вопросов, приводящих к выводу, что не существует универсальной формы, в ко-

торой наилучшим образом могут быть урегулированы конституционные отношения, отражено все многообразие конституционной теории и практики, можно продолжать исключительно долго. Не сформирован и идеальный образ того, как должна выглядеть конституция государства в своем описании, какие правовые средства должны быть использованы при ее разработке, проектировании, выражении в словах и закреплении на бумаге, т. е. каким должен быть дизайн конституции. Этого понимания нет в научной литературе, следовательно, его нет в конституционных доктринах различных государств и в конституционной практике.

Многообразие концептов построения конституций (так называемый конституционный дизайн) и их существенные различия, даже с учетом тенденций глобализации и универсализации, заимствование тех или иных подходов, а иногда и формулировок (в силу миграции конституционных идей) проектировщиками конституций вообще ставят вопрос о том, возможен ли идеальный (совершенный и оптимальный) дизайн конституции. Нет единства в оценках самой допустимости использования понятия «конституционный дизайн»: если Гюнтер Франкенберг приходит к позитивному утверждению: «В соответствии со стандартными словарями, термин “дизайн” охватывает с изрядной долей точности то, как происходит разработка конституции, и совсем не является стилистической фигурой или надуманной аналогией» [43, с. 153], то Томас Гинсбург находит весомые доводы для оспаривания такой возможности: «Дизайн подразумевает технократическую, архитектурную парадигму, которая не вписывается в грязные реалии социальных институтов, и особенно в конституционный процесс» [61, p. 1].

Общее понятие дизайна

Словари дают преимущественно схожие определения:

«Дизайн (от англ. Design – проектировать; чертить; задумать; а также проект; план; рисунок) – термин, обозначающий разновидность художественно-проектной деятельности, охватывающей создание промышленных изделий и рациональное формирование целостной пред-

лировок – миграцию конституционных идей. При этом конституционный дизайн является неотъемлемым признаком и частью конституционализма, а комплекс критериев позволяет достигать лучшего выражения конституционно-правовой мысли, способствует обеспечению конструктивной правовой красоты и эстетики закона, отражению исторического опыта народа, современного состояния государства и формированию картины его будущего развития.

Ключевые слова: конституция; конституционный дизайн; парламентаризм; институциональный дизайн; демократия; общество

“Constitutional act can be compared with a plaster mask or cast of the live face of reality. But, unlike the mask of plaster, constitutional mask does not only copy the original, but in many ways determines the future development of its features”.

Durdenevsky [11, p. 9]

“Constitutions are made, not found. They do not fall miraculously from the sky or grow naturally on the vine. They are human creations, products of convention, choice, the specific history of a particular people, and (almost always) a political struggle in which some win and others lose. Indeed, in this vein one might even want to argue that our constitution is more something we do than something we make: we (re)shape it all the time through our collective activity”.

Hannah Fenichel Pitkin [67, p. 168]

What should a constitution be like? Being a supreme law, should it, in its form or meaning, reflect any special characteristics of the state or people it is intended to serve? Is there any universal project which could be used as a gold standard or template by those drafting new constitutional texts? Why do printed versions of the Constitutions of Brazil or India look like hefty books capable of comprising all the European constitutions? Why has the US Constitution been able to successfully avoid modification for two and a half centuries, while France and Russia amend the texts of their fundamental laws on a regular basis? Why do the Constitutions of Germany, Spain or Italy are so easy to read, while the citizens of the UK or Israel require an explanation of the term “unwritten constitution”?

This list of questions (which bring to the conclusion that there is no universal formula capable of settling in the best possible way all kinds

of constitutional relationships or reflecting in full the diversity of constitutional theories and practices) can be continued endlessly. Similarly, there is no ideal set of guidelines indicating how a state's constitution should look in descriptive terms, which legal tools should be used for the purpose of its development, drafting, wording or putting on paper – i.e. what the design of the constitution should look like. Such general idea is not present in scientific literature and, therefore, it is not present in constitutional doctrines or practices of states.

The diversity of constitutional concepts (so called constitutional designs) and significant differences between them give rise to the question if the ideal (perfect or optimal) constitutional design is possible, even despite the trends of globalization and universalization or the fact that certain approaches or even wordings can be borrowed by constitution designers (due to the migration of constitutional ideas). There is no unanimity on the issue of the mere applicability of the term “Constitutional Design”. While Gunter Frankenberg states positively that “Therefore, “design” characterizes quite appropriately what happens when constitutions are made. According to the standard dictionaries, design captures with a fair amount of precision how constitution making works and is anything but a misleading figure of speech or far-fetched analogy” [43, p. 153], Thomas Ginsburg brings strong arguments against it, “Design implies a technocratic, architectural paradigm that does not easily fit the messy realities of social institutions, especially not the messy process of constitution making” [61, p. 1].

General Definition of Design

Most dictionaries offer similar definitions of Design:

“Design is the kind of artistic project activity which embraces the creation of industrial products and rational formation of a coherent object

метной среды. Методы дизайна, связывающие потребительские и эстетические качества предметов и объектов, предназначенных для непосредственного использования человеком, с их оптимальными структурой и технологией изготовления, могут оказывать определенное воздействие на решение таких важных социальных проблем, как функционирование производства и потребления, существование людей в мире окружающих их предметов» (см. [33; 6]).

«Дизайн – деятельность по художественному конструированию предметов, проектированию внешнего облика различных изделий» [12, с. 209].

«Дизайн – художественное конструирование предметов; проектирование эстетического облика промышленных изделий» [37, с. 167].

«Дизайн, – а; м. 1. Проектирование художественных форм, внешнего вида изделий, производимых промышленностью, фасадов зданий, интерьеров помещений и т. п.; художественное конструирование. Современный д. Художник по дизайну. Заниматься дизайном. 2. Разг. Художественно оформленный внешний вид изделия. Любоваться дизайном автомобиля» [2, с. 258].

Просуммируем: дизайн – это, во-первых, род и содержание определенной целенаправленной деятельности; и, во-вторых, результат такой деятельности. Конституционно-правовое приспособление общепотребимого понимания дизайна не противоречит его сущности и основным признакам. Представляя процесс создания конституции как некую деятельность государственных деятелей, правоведов, граждан и их объединений по формированию системы регулирования общественных отношений, выбору моделей формы государства, государственного устройства, политического режима, вполне можно употребить понятие «дизайн» для характеристики этого воистину творческого процесса. И не только самого процесса, но и сформированного по его итогам результата. Этим же термином можно описать деятельность по разработке текста конституции, процесс выбора юридических средств при создании основного закона и достигнутый результат – конкретный правовой акт высшей юридической силы.

Учитывая многозначность (полисемичность) понятия «дизайн», следует обозначить подходы к его употреблению в формате «конституционный дизайн» применительно к конституции (основному закону) государства:

1) в отношении текста конституции: как уже достигнутый или находящийся в стадии проектирования результат (ожидаемо искомый в процессе проектирования и обсуждения текста конституции), выражаемый в ответах на вопро-

сы (в раскрытии того), как визуально оформлен средствами юридической лингвистики и юридической техники (с учетом юридической психологии) и в какой топологии (логике, логистике) выстроен текст конституции;

2) в отношении процесса разработки и проектирования конституционных актов: как деятельность государственных и общественных институтов универсальной компетенции или специально созданных для разработки конституционного акта, внесения в него изменений, как перечень механизмов согласования и подтверждения юридической силы всего конституционного акта или его составных частей;

3) применительно к тем объектам, отношениям, деятельности, феноменам, процессам и событиям, которые фундаментально урегулированы Конституцией государства, выстроены на основе ее императивов и исходя из таковых. В этом формате уместнее применять конструкцию «конституционной архитектуры» как некоей фундаментальной системы саморегуляции (гомеостаза) конституционного порядка [32], глубинных закономерностей построения государства, властеотношений, взаимодействия государства с институтами гражданского общества и личностью.

В настоящей статье осмыслению, раскрытию и описанию подвергнется конституционный дизайн в одном из трех отмеченных значений, наиболее доступном для эмпирического осязания: оценке конституционного текста. Это предполагает анализ вопросов: а) компактности / детализированности / развернутости текста конституции; б) структурирования текста (нормативной «материи») конституции (сколько частей, глав, разделов, статей, пунктов, подпунктов составляют структуру конституции, как они выстроены); в) расстановки акцентов, артикуляции отдельных содержательных позиций; г) визуальной соотносимости по объему частей текста конституции; д) предельных максимальных и минимальных мер объемности, соответственно, частей, глав, разделов, статей, пунктов, подпунктов конституции, предельных максимальных и минимальных мер длины формулировок конституционных норм; е) эргономичности текста конституции; ж) красоты, эстетики визуальной гармоничности, насколько это вообще возможно, уместно и осуществимо – юридической поэтичности текста конституции.

Понятие «конституционный дизайн»: право на существование

«Конституции не падают с неба и не являются таинственным образом своим основателям. Вместо этого они спроектированы, основа-

environment. The methods of design, which cohere the consumer appeal and aesthetic properties of the objects and products intended for direct use by humans, with their optimized structure and production technology, can contribute in a certain way to the addressing of important social questions, such as the functioning of production and consumption, or existence of human beings in the world of ambient objects” [see: 33; 6].

“Design is the activity related to the development of the artistic image of objects, drafting of the appearance of various products” [12, p. 209].

“Design is the styling of objects, drafting of the aesthetic appearance of industrial goods” [37, p. 167].

“Design is 1) The development of style features or appearance of manufactured goods, facades of buildings, building interiors, etc. – e.g. styling design; modern design; designer; go in for design; 2) Colloq. Art-quality appearance of a product. Admire the design of a car” [2, p. 258].

Let us summarize. Design is, in the first place, the type and nature of a certain targeted activity; and, in the second place, the result of such activity. Application of the general notion of design to the constitutional law does not contradict its essence or key features. Describing the creation of a constitution as a certain activity of statespersons, legal experts, citizens and citizen groups aimed at putting in place a system of regulation of social interactions and selecting models to determine the type of state, form of government and political regime, one can use the term “design” to characterize this truly creative process. And not only the process itself but its outcome too. Similarly, this term can be used to describe the activities related to drafting the text of a constitution, the process of selection of legal tools for its formulation, and the final result – i.e. a specific supreme law.

Given the richness (polysemy) of the term “design”, it is important to clarify its meaning in the syntagm “constitutional design” as applied to the constitution (supreme law) of a state:

1) When used in respect of the text of a constitution, it means the result (already achieved or expected in the process of drafting or discussion) which can be measured based on the answers or explanations given in regards to the following questions: how the text is visualized with the use of the

legal language and legal drafting tools (with legal psychology in mind), and what is the topology (logic, logistics) of the text.

2) If applied to the development or drafting of constitutional acts, it means the activities of state and social institutions, both universal and those established specifically to design or amend a constitutional act; or the set of mechanisms used to reach an agreement upon or establish the legal value of a constitutional act, in whole or in part.

3) In the context of the subjects, relationships, activities, phenomena, processes, or events which are regulated by the constitution of a state as its fundamental law, or which are based on or proceed from the imperatives of such supreme law, it is worthwhile to apply the framework of “constitutional architecture” as a basic system enabling self-regulation (homeostasis) of the constitutional order [32], consistent patterns of state building, power relations, and interactions between the state on the one hand and the civil society institutions and individuals on the other hand.

This article is intended to help understand, discuss and describe one of the three aspects of constitutional design mentioned above. The one which is most open for empiric study – i.e. the Constitutional Text. This implies the need to examine: a) how compact / detailed / comprehensive the constitutional text is; b) how it is structured (number and sequence order of parts, chapters, sections, articles, paragraphs and subparagraphs); c) how its various provisions are prioritized and articulated; d) how its various sections correlate visually in terms of their volume; e) how long the longest and shortest parts, chapters, sections, articles, paragraphs and subparagraphs of the constitution are; how long the longest and shortest wordings of constitutional provisions are; f) how ergonomic the text of the constitution is; g) how beautiful, aesthetically and visually balanced, and poetic (to the extent to which this word can be used when describing a legal document) this text is.

The Notion of Constitutional Design. Does it Have the Right to Exist?

“They (constitutions) neither fall from heaven nor are they revealed in a mysterious way to Founders. Instead, they are drafted, framed,

ны, созданы, сконструированы и, конечно же, разработаны», – утверждает Г. Франкенберг [43, с. 152; 57, pp. 537–542], предвзято анализируя само право на существование понятия «конституционный дизайн», послужившего названием книги (сборника статей) под редакцией Т. Гинсбурга. Соответствуя подобному художественному ремесленному подходу, Т. Гинсбург на обложке книги «Comparative Constitutional Design» размещает гравюру времен французской революции (1789 г.) из коллекции Британского музея, изображающую представителей трех сословий, в прямом смысле выковывающих конституцию на наковальне.

Технократический подход, зачастую маскируемый в терминах неонституционализма, привлекает своей наглядностью и зримостью. Современной науке в целом, в том числе и современной теории права и государства, свойственно использование образного языка, понятий ассоциативного ряда, присущих иным направлениям знания, науки и даже искусства и техники.

Конструирование государственных институтов все более и более осуществляется на универсальных теоретико-правовых доктринах. Создание конституций, формирование и развитие политических режимов в условиях облегчения доступа к изучению и анализу опыта других стран (эффективное и эффективное развитие сравнительного правоведения, конституционной компаративистики) демонстрируют активное взаимодействие и адаптацию различных конституционных механизмов, институтов, которые сложились в других государствах и других правовых системах. При этом в процессе подобного конструирования все более и более применяются архитектурные понятия, принципы и методы дизайна переносятся в регулирование общественных отношений. Это придало архитектурной метафоре «конституционный дизайн» статус законорожденного правового понятия. В конце концов, различные иные метафоры (конституционный обычай, конституционная мысль, конституционное строительство, конституционная жизнь и т. п.) прижились и стали столь привычными, что про их внеправовое происхождение не вспоминают. Научные понятия исключительно часто основываются на метафорах, имеющих технические, культурные, физические и даже бытовые основания [18].

Концепция конституционного дизайна позволяет не только посмотреть на государственные институты и теоретические философские доктрины через эстетику архитектуры и математики, но и применить ее в конструировании явлений социальной действительности, экономики, права.

В своей технократической составляющей концепция конституционного дизайна переключается со значительно более успешной в своем пиар-продвижении теорией дизайна механизмов и, как их частного вида, экономических механизмов. Эрик Маскин, удостоенный в 2007 году «за разработку основ теории оптимальных механизмов (mechanism design theory)» вместе с Лео (Леонидом) Гурвицем (Leo Hurwicz) и Роджером Майерсоном (Roger Myerson) Нобелевской премии по экономике, вспоминает «о Конституции страны как о наиболее фундаментальном слое. Конституция сама по себе является механизмом, который определяет, что власти могут и не могут делать, в каком случае они должны сложить с себя полномочия и как другие ветви власти ограничивают их влияние»¹. В данном случае имеется в виду «слой проектирования», так как именно государство и его органы выступают авторами большинства социальных механизмов.

Особой перспективой обладает перенос в юриспруденцию и в социальные науки содержания теории экономических механизмов – возможностей «обратного проектирования». Создателям конституций, конституционно-правовых институтов и моделей надлежит прежде всего сформировать «образ желаемого будущего» [46] государства и общества, сформулировать подлежащие решению задачи, а затем, как бы возвращаясь назад, в современность, спроектировать процедуры, институты и механизмы, посредством которых эти цели должны быть достигнуты.

«Конституционный дизайн» / «Конституционная модель»

Концепт «конституционного дизайна» преимущественно разрабатывается представителями англосаксонской правовой традиции (см. [51; 52; 55; 56; 59; 60; 62; 64; 65; 66; 71]). «Злоупотребление» данным понятием российскими авторами несравнимо скромнее, причем преимущественно употребляется термин «институциональный дизайн», предполагающий перенос внимания с анализа конституционной архитектуры на систему политических институтов [1, с. 129–133; 3, с. 159–180; 7, с. 6–15; 16, с. 29–45; 26, с. 134–137; 30, с. 214–247; 31, с. 81–84; 34, с. 87–97; 39, с. 46–704; 40, с. 246–253; 41, с. 72–76]. В данном русле размышления о конституционном дизайне сводятся к переживанию степени смешанности отечественной прези-

¹ См.: Теория экономических механизмов: интервью с лауреатом Нобелевской премии по экономике 2007 года Эриком Маскином об одном из разделов теории игр. URL: <https://postnauka.ru/talks/9281> (дата обращения: 28.03.2018).

created, constructed, and, yes, designed” [57, pp. 537–542; 43, p. 152], says G. Frankenberg, introducing his study in which he analyzes the concept of “constitutional design” – the term that is used in the title of the book (collection of articles) edited by Tom Ginsburg – from the perspective of its very right of existence. Following this artistic approach, Tom Ginsburg illustrates the cover of the book “Comparative Constitutional Design” with an etching from the collection of the British Museum which dates back to the French Revolution (1789) and depicts representatives of three estates literally hammering out a constitution on a blacksmith anvil.

The technocratic approach, frequently disguised as neo-institutionalism, may be attractive thanks to its demonstrativeness and visibility. The modern science in general and the modern theory of government and law in particular tend to use figurative language and metaphors borrowed from other areas of knowledge, sciences, and even arts and technology.

Universal theories and legal doctrines are becoming increasingly popular as a basis for state institution building. As the experience of other countries becomes easily available for study and analysis in the process of drafting constitutions and shaping and developing political systems (effective and efficient development of comparative law and constitutional comparativism), the various constitutional mechanisms that exist in other states and legal systems are readily borrowed and adapted. In the course of such drafting, more and more architectural concepts are used, while the principles and methods of design are moved to the field of regulation of social interactions. This grants the architectural metaphor “constitutional design” the status of a legitimate legal concept. For that matter, various other metaphors, such as “constitutional convention”, “constitutional thought”, “constitution building”, “constitutional life”, etc. have taken roots – we got used to them and forgot that they do not originate from the legal language. Scientific terms very often descend from metaphors describing technical, cultural, physical, and even daily life phenomena [18, pp. 25–43].

Apart from helping to see the institutions of state and philosophical doctrines through the aesthetics of architecture and mathematics, the concept of constitutional design can be used to engineer

various phenomena of social reality, economics, and law.

The technocratic component of the constitutional design concept echoes the much more successfully promoted theory of mechanism (and particularly economic mechanism) design. Eric Maskin, recognized 2007 Nobel laureate with Leonid (Leo) Hurwicz and Roger Myerson “for having laid the foundations of mechanism design theory”, describes the constitution of a country as the most fundamental layer. “You can think of a country’s Constitution as the most fundamental layer. A Constitution is itself a mechanism which prescribes what authorities can and cannot do, how they can be removed from office, and how other authorities can constrain their power”¹. In this case, the “design layer” is meant because it is the state and its bodies that author most of the social mechanisms.

Especially promising is the adoption by the jurisprudence and social sciences of the main notion of the mechanism design theory – the notion of “reverse design”. Developers of constitutions, constitutional and legal institutions and models should, in the first place, shape the “desirable image of the future state and society” [46], set their objectives, and then, as though getting back to the current reality, design the procedures, institutions and mechanisms, by means of which those objectives are to be achieved.

Constitutional Design / Constitutional Model

The concept of constitutional design has been developed mostly by representatives of the Anglo-Saxon legal tradition [see: 65, 52, 59, 55, 56, 71, 60, 62, 66, 51, 64]. The Russian authors “overuse” this term to a much smaller extent, preferring the term “institutional design”, which shifts the focus from the analysis of the constitutional architecture to the system of political institutions [1, pp. 129–133; 3, pp. 159–180; 7, pp. 6–15; 16, pp. 29–45; 26, pp. 134–137; 30, pp. 214–247; 31, pp. 81–84; 34, pp. 87–97; 39, pp. 46–704; 40, pp. 246–253; 41, pp. 72–76]. In this approach, the consideration of constitutional design is normally confined to reflections on the proportions, in which the Russian

¹ See: “Any area of economic life is ripe for mechanism design theory”. Interview with 2007 Nobel laureate in Economics Eric Maskin on game theory subdiscipline. Available at: <http://serious-science.org/eric-maskin-mechanism-design-theory-1833> (accessed 02.03.2018).

дентско-парламентской модели в широком диапазоне между полюсами президентской и парламентской республики [27].

В отечественном правоведении сохраняется и подтверждает свой статус основного при типологии моделей государственного и общественного развития формационный подход. На основе анализа предложенной Ю. А. Юдиным [48, с. 49] типологии краткое описание подобного формационного подхода выглядит следующим образом: буржуазные конституции (первый этап) сменяются социалистическими (второй этап), тем самым «единый процесс конституционного развития оказался разделенным в результате создания социалистического тоталитарного общества и государства «диктатуры пролетариата» в России, после наступает эпоха постколониальных конституций, связанная «с созданием более 130 новых государств в Азии, Африке, Латинской Америке и Океании в результате ликвидации колониальной системы и принятия конституций в освободившихся странах», а в конце XX века приходит время постсоциалистических конституций: «это крушение колониальных и авторитарных режимов в большинстве социалистических и развивающихся стран и вступление их на путь демократических преобразований». Каждому из обозначенных четырех этапов соответствуют разные модели конституции: модели буржуазной и социалистической конституций, конституций первой и второй волны третьего этапа (период крушения колониализма и принятия конституций новыми государствами), а также модель постсоциалистической конституции.

При всей значимости и традиционности для отечественного правоведения формационного взгляда на историю развития человеческого общества применительно к конституционному развитию этот подход не объясняет, а чем, собственно, с точки зрения конституционно-правовой доктрины отличаются и отличаются ли вообще конституции буржуазные от социалистических, постколониальные – от постсоциалистических. Используют ли они одинаковые или отличные друг от друга правовые конструкции? Действительно ли различия социально-экономических формаций приводят к различиям в конституционно-правовой материи? Не возвращаемся ли мы к примату идеологического сопровождения при анализе политико-правовых явлений?

Не вдаваясь в историю становления формационной теории, можно утверждать, что современные государства все меньше и меньше могут быть отнесены к тому или иному типу с точки зрения социально-экономической формации.

Государства различных политических режимов и экономических устоев используют одинаковые (схожие) конституционные конструкции, тогда как страны, близкие по уровню социально-экономического развития, структуре экономики и политическим режимам, в силу различий правовых традиций и истории становления правовых систем обращаются к различным конституционным моделям.

Термин «конституционная модель», детально проработанный Т. Я. Хабриевой и В. Е. Чиркиным, предусматривает классификацию конституций не в связи с изменением социально-политической картины мира, а на основе исследования новых конституционно-правовых институтов: «Конституционная модель – явление, возникающее на определенном этапе развития человечества (а не в какой-либо отдельной стране, хотя она и может возникать и, как правило, возникает, в отдельной стране (народ которой, создатели конституции обнаружили, открыли, уловили «вызовы» общественного развития)» [14; 38, с. 43–49; 44, с. 15–16]. Именно появление новых конституционно-правовых доктрин, конституционно-правовых институтов является основанием для изменений правовых конструкций и представления новых видов конституционного дизайна.

«Современное государство – это сложная конструкция, состоящая из множества систем, которые должны быть настроены в унисон друг с другом. Можно сравнить государство с крупной коммерческой авиакомпанией. Коммерческий авиаперевозчик перевозит пассажиров через расстояние, тогда как государство переносит своих пассажиров – народ – через время. Если воздушное судно плохо спроектировано и имеет тенденцию время от времени терпеть крушение, специалисты пытаются исправить недостатки конструкции, а не обвиняют пилота и пассажиров. В случае с государствами часто обвиняют политиков или тех, кто их выбирал, вместо того, чтобы спроектировать государственную систему, которая была бы как можно более безопасной и в случае катастрофы предоставляла бы своим пассажирам больше шансов выжить», – утверждает Правящий Князь Лихтенштейна Ханс-Адам II [45, с. 133].

Образ государства и образ эпохи

Предназначение дизайна – сделать полезное и практичное красивым. Поэтому размышления о конституционном дизайне неминуемо приводят к пониманию эстетики конституционных актов, красоты и стиля, к отражению в документах образов государств и исторических эпох.

model combines numerous features of the presidential and parliamentary government systems [27].

The Russian law science continues to rely upon the proven social formation-based approach to the classification of the models of national and social development. Here is a brief description of this approach based on the analysis of the classification system suggested by Y. A. Yudin [48, p. 49]: Bourgeois constitutions (Stage 1) yield to socialist constitutions (Stage 2) – thus, the continuous process of constitutional development is interrupted as a result of the establishment in Russia of a totalitarian socialist society and the state of “proletarian dictatorship”. Later comes the age of postcolonial constitutions ushered in by the decolonization and creation in Asia, Africa, Latin America and Oceania of 130+ new states. And finally, at the end of the 20th century, the era of postsocialist constitutions is entailed by the collapse of colonial and authoritarian regimes in the majority of socialist and developing countries as they choose the course of democratic transformation. Each of these four stages has a corresponding constitutional model – i.e. bourgeois and socialist constitutions, constitutions of the first and second waves of Stage 3 (the period of decolonization and adoption by new states of their constitutions), and the postsocialist constitutional model.

Despite the traditional character of the formation-based view on constitution-related aspects of the development of human society and its significance to the Russian legal science, this approach fails to explain what differs bourgeois constitutions from socialist ones, and postcolonial constitutions from those postsocialist from the perspective of the constitutional and legal doctrine. Are they based on the same or different statutory concepts? Do the differences between social and economic formations really result in differences in constitutional and legal matter? Can it be true that we are returning to the primacy of ideology in the analysis of political and legal phenomena?

Without getting into specifics of the social formation theory and its background, it would be fair to say that it is becoming more and more difficult to categorize modern states based on their social or economic structure. Countries with different political regimes and economic systems may use the same or similar constitutional frameworks,

while those that are close to each other, in terms of their level of social and economic development, structure of economy, and political regime, may choose different constitutional models due to the differences between their legal traditions or history of their legal systems.

The detailed definition of “constitutional model” suggested by N. Y. Khabrieva and V. E. Tchirkin provides that constitutions should be classified based on analysis of new constitutional and legal institutions, rather than changes in the world’s social or political landscape. “Constitutional model is the phenomenon that emerges at a certain stage of the development of mankind, rather than individual country (although it can and does emerge in a specific country, whose citizens – i.e. authors of constitution – have identified, discovered and embraced the challenges of development)” [38, pp. 43–49; 44, pp. 15–16; 14]. It is the advent of new constitutional and legal doctrines and institutions that triggers changes in statutory concepts and development of new types of constitutional design.

“The modern state is a very complex construction consisting of many systems that have to be in tune with one another. One can compare the state with a large commercial aircraft. The commercial aircraft carries its passengers through space, whereas the state carries its passengers – the people – through time. If the aircraft is badly designed and has a tendency to crash now and then, one tries to rectify the deficiency of the design and does not blame the pilot and the passengers. With states one is inclined to blame the politicians or the people who have chosen them, instead of designing state systems that are as safe as possible and that will give their passengers a better chance of survival if they crash”, – says Hans-Adam II, the reigning Prince of Liechtenstein [45, p. 133].

The Image of State and Age

The purpose of design is to make a useful and practical thing beautiful. Therefore, any consideration of constitutional design inevitably brings to understanding of the aesthetics of constitutional acts, their beauty and style, of how the images of states or historical eras are portrayed in documents.

Исследование и сравнение конституционно-правовых моделей различных государств в различные исторические эпохи предполагают использование широкого набора методов. Но прежде всего надлежит прочитать текст основного закона, в результате чего в зависимости от степени профессионального опыта, эмоционального интеллекта и уровня развития ассоциативного мышления непременно складывается некий образ страны (государства и общества), образ эпохи, которую сопровождает этот закон. Так, прочтение преамбул двух отечественных конституций позволяет ощутить эпохи, в которую они принимались, и политические режимы, которые эти документы были призваны охарактеризовать:

«Великая Октябрьская социалистическая революция, совершенная рабочими и крестьянами России под руководством Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным, свергла власть капиталистов и помещиков, разбила оковы угнетения, установила диктатуру пролетариата и создала Советское государство – государство нового типа, основное орудие защиты революционных завоеваний, строительства социализма и коммунизма. Начался всемирно-исторический поворот человечества от капитализма к социализму. Одержав победу в гражданской войне, отразив империалистическую интервенцию, Советская власть осуществила глубочайшие социально-экономические преобразования, навсегда покончила с эксплуатацией человека человеком, с классовыми антагонизмами и национальной враждой. Объединение советских республик в Союз ССР преумножило силы и возможности народов страны в строительстве социализма... Ярким проявлением силы социализма стал немеркнущий подвиг советского народа, его Вооруженных Сил, одержавших историческую победу в Великой Отечественной войне» (Преамбула Конституции Союза Советских Социалистических Республик 1977 года).

«Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими

поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» (Преамбула Конституции Российской Федерации 1993 года).

Эмоциональный настрой, используемые правовые категории и речевые обороты, обращение к конкретным историческим событиям создают образ времени и государства в это время. Яркость и зримость этих образов еще раз обосновывают допустимость использования понятия «дизайн» применительно к конституционно-правовой материи. Так, при прочтении текста преамбулы советской Конституции в голове проносятся свойственные той эпохе символы и образы: красный стяг с серпом и молотом, пятиконечная звезда, знамя Победы, чеканная стилистика революционного авангарда. Также за этими словами встают образы кровавых революции и гражданской войны, раскулачивания и сталинских репрессий. От прочтения преамбулы российской Конституции веет стремлением к восстановлению государственного и человеческого достоинства, надеждой на лучшее будущее, зрительные образы отсылают к тысячелетней истории и государственной традиции русского народа. Конституция России 1993 года – это не о стране начала 1990-х, это – взгляд страны в будущее.

Конечно, любые ассоциации и образы глубоко личностны, субъективны. Но применительно к конституционным памятникам эпохи эстетика и ассоциативный ряд носят объединяющий миллионы человек характер. Посредством основного закона государство обращается к своим гражданам, к международному сообществу с заявлением: такими мы представляем себя, свое государство, к такому состоянию страны идем, хотим, чтобы мир нас воспринимал такими. Мы не только прибегли для закрепления этого своего стремления к праву, но и закрепили этот образ в основном законе, придав ему высшую юридическую силу.

Четверть века, прошедшая с момента принятия действующей Конституции Российской Федерации, – срок, достаточный для того, чтобы оценить пройденный путь, понять собственные достижения и ошибки.

Очевиден цивилизационный выбор России, конституционно закрепившей в качестве цели построение демократического правового социального государства. Конституция Российской Федерации 1993 года учредила необходимый для государственного развития каркас институтов власти, тем самым выполнив возложенную на нее учредительную функцию в обоих ее пониманиях: во-первых, были образованы новые властные институты; во-вторых, уже существо-

The study and comparison of constitutional and legal models of different states in different historical periods can be based on a wide range of methods. In the first place, one should read the text of the supreme law and then, depending on his or her expertise, emotional intelligence and associative thinking capability, he or she will see a certain image of the country (state and society) in question, image of the age this law belongs to. Thus, reading the preambles of two domestic constitutions, one can sense the spirit of times, in which they were adopted, as well as political regimes they were intended to characterize:

“The Great October Socialist Revolution, made by the workers and peasants of Russia under the leadership of the Communist Party headed by Lenin, overthrew capitalist and landowner rule, broke the fetters of oppression, established the dictatorship of the proletariat, and created the council (Rus.: Soviet) state, a new type of state, the basic instrument for defending the gains of the revolution and for building socialism and communism. Humanity thereby began the epoch-making turn from capitalism to socialism. After achieving victory in the Civil War and repulsing imperialist intervention, the Soviet government carried through far-reaching social and economic transformations, and put an end once and for all to exploitation of man by man, antagonisms between classes, and strive between nationalities. The unification of the Soviet Republics in the Union of Soviet Socialist Republics multiplied the forces and opportunities of the peoples of the country in the building of socialism. Social ownership of the means of production and genuine democracy for the working masses were established. For the first time in the history of mankind a socialist society was created. The strength of socialism was vividly demonstrated by the immortal feat of the Soviet people and their Armed Forces in achieving their historic victory in the Great Patriotic War”.

Preamble of the 1997 Constitution of the Soviet Union

“We, the multinational people of the Russian Federation, united by a common fate on our land, establishing human rights and freedoms, civic peace and accord, preserving the historically established state unity, proceeding from the universally recognized principles of equality and self-determination of peoples, revering the memory of ancestors who have conveyed to us the love for the Fatherland, belief in the good and justice, reviving the sovereign statehood of Russia and asserting the firmness of its democratic basic, striving to ensure the well-being and prosperity of Russia, proceeding

from the responsibility for our Fatherland before the present and future generations, recognizing ourselves as part of the world community, adopt the CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION”.

Preamble of the 1993 Constitution of the Russian Federation

The emotional makeup, legal categories and rhetorical patterns used, as well as references to specific historic events portray the image of the age and the state of that age. The vividness and visuality of such images do prove the applicability of the term “design” to the constitutional and legal matter. Thus, reading the preamble of the Constitution of the USSR one can clearly see symbols and images of the Soviet period: the red flag with sickle and hammer, the five-pointed star, the Victory Banner, the austere style of revolutionary avant-garde. The same text can call up the imagery of bloody revolutions and civil wars, dekulakization and Stalin’s political repressions. The preamble of the Russian Constitution calls for restoration of the state and human dignity, infuses hope for better future, creates visual images of the thousand-year history and state traditions of the Russian people. The 1993 Constitution of the Russian Federation is not about the country of the early 1990s – it is about the country looking into the future.

Clearly, any associations and images are strictly personal and subjective. However, the aesthetics of the constitutional landmarks of a specific historical period, as well as the associations called by them, can be shared by millions of people. By means of its supreme law, the state declares to its citizens and the international community: “This is the way we see ourselves and our country. This is what we want to achieve as a country. This is the way we want the world to see us. To attain this end, we do not just rely on the rule of law, but also enshrined this image in our Supreme Law”.

The 25 years that have passed since the adoption of the existing Constitution of the Russian Federation is sufficient time to make judgements about the journey we have made, evaluate our achievements and mistakes.

The civilizational choice of Russia, whose Supreme Law proclaims as a goal putting in place a democratic social state governed by the rule of law, is obvious. The 1993 Constitution of the Russian Federation established the framework of government institutions, which are key for the development of the state, and thus fulfilled its dual constituent function: first, new government institutions were created, and; second, some of the legacy

вавшие получили подтверждение своей легитимности и были наполнены новым содержанием.

Конституция Российской Федерации 1993 года учредила в стране демократическую модель организации государственной власти с учетом принципа разделения властей в его функциональном понимании. Но в том и состоит особенность конституционного регулирования, что конституция и развивающие ее нормативные акты закрепляют конституционные доктрины и по преимуществу формальные правовые институты – правовые статусы и организационные структуры.

Отводя Конституции роль «образа желаемого будущего», мы сознательно соглашаемся с высокой степенью декларативности ее многих положений, что позволяет говорить и о немалой степени фиктивности. Это, в свою очередь, обусловливает признание: содержащийся в основном законе образ страны, закрепленный дизайн государственно-правовой модели может быть разительно далеким от фактического состояния, что приводит к использованию классического сравнения с «потемкинскими деревнями». Так, характеризуя советский период, П. Желар пишет, что он «мог бы привести к созданию новой конституционной модели, опирающейся на принципы, фундаментально отличные от западных принципов конституционного права», но не привел, а демократические положения советских конституций стали только декорацией, «потемкинскими деревнями» [58, p. 27].

Одним из самых наглядных примеров подобного разрыва между желаемым, представляемым конституционным дизайном и реальным состоянием государства и общества является образ Советского Союза в Конституции 1936 года. Если Конституции РСФСР 1918 года и СССР 1924 года достаточно откровенно закрепляли принципы «диктатуры пролетариата», ограничения избирательных прав, «настаивали на полном разрыве с варварской политикой буржуазной цивилизации», призывали к «мировой революции», то Конституция 1936 года, вошедшая в историю с негативным притяжательным прилагательным «сталинская», многими деятелями культуры и даже многими западными правоведами расценивалась как документ, возвращающий Россию на путь общедемократических ценностей [23; 21]:

«Советский Союз имеет два лица. В борьбе лицо Союза – суровая беспощадность, сметающая со своего пути всякую оппозицию. В созидании его лицо – демократия, которую он объявил в Конституции своей конечной целью. И факт утверждения Чрезвычайным съездом новой Конституции как раз в промежутке между двумя процессами – Зиновьева и Радека – служит

как бы символом этого» (Лион Фейхтвангер, выдающийся немецкий писатель [42]).

«Эта Конституция показывает всему миру, что СССР окончательно победил косные силы, оставшиеся от старого строя. Это – установление настоящей демократии... Это проведение в жизнь великих лозунгов, до сих пор являвшихся только мечтой человечества – свободы, равенства и братства» (Ромен Роллан, французский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе. Цит. по [35, с. 40]).

Это слова о Конституции, принятой не просто между двумя процессами – «Зиновьева и Радека», – а в один из самых ужасающих этапов отечественной истории – массовых репрессий, функционирования ГУЛАГа, уничтожения крестьянства и голодомора. Конституции СССР 1936 года удалось создать привлекательный образ государства: ее конституционный дизайн с точки зрения содержания можно признать самым прогрессивным с учетом закрепления перечня социально-экономических (право на труд, на отдых, на материальное обеспечение в старости и в случае потери трудоспособности, на бесплатное образование всех видов, включая высшее, на бесплатную медицинскую помощь) и политических (всеобщие равные прямые выборы при тайном голосовании во все органы власти, свобода совести, слова, печати, собраний и митингов, неприкосновенность личности и тайна переписки) прав, весьма демократично выглядят в Конституции принципы федеративного государственного устройства. Даже Всеобщая коммунистическая партия (большевик) упоминается в ней всего один раз в статье 126: «передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся». Предполагалось, что выборы 1937 года в Верховный Совет СССР пройдут на альтернативной основе, а разработанный и утвержденный Политбюро ВКП(б) образец избирательного бюллетеня пригодится лишь спустя полвека в ходе выборов народных депутатов 1989 года.

От конституции государства к конституции общества

Даже при исключительно критическом восприятии утвердившегося в ходе разрушения Российской империи и гражданской войны коммунистического (большевистского) политического режима невозможно отрицать революционного характера прорыва в конституционной-правовой доктрине, совершенного первыми советскими конституциями. Приятно сознавать, что советская конституция – Конституция

institutions were updated, and their legitimacy was confirmed.

The 1993 RF Constitution established the democratic model of government based on the functional division of powers. The essence of the constitutional rule lies in the fact that the constitution and associated statutory acts set forth constitutional doctrines and establish formal legal institutions – i.e. legal statuses and organizational structures.

Considering our constitution the “desired image of our future”, we consciously agree that many of its provisions are highly declarative, which may add the flavor of fictitiousness. This in turn means that we admit that the image of the country portrayed by the supreme law, the design of the state and legal model stipulated by it may be tremendously far from reality, which leads to its comparison with Potemkin Villages or “window dressing”. Thus, reflecting on the Soviet period, Patrice Gerard says that it “could have resulted in a new constitutional model based on principles fundamentally different from those of the Western constitutional law, but failed to do so”, and characterizes the democratic provisions of the Soviet constitutions as stage scenery and “Potemkinism” [58, p. 27].

One of the major cases of such a difference between the desired, imaginary constitutional design and the actual situation in the state and society is the portrait of the Soviet Union drawn by the country’s 1936 Constitution. While the 1918 RSFSR Constitution and the 1924 USSR Constitution were pretty straightforward in stipulating the principles of “proletarian dictatorship”, envisaged disenfranchisement, insisted on “complete denial of the barbaric policy of the bourgeois civilization”, and called for a “global revolution”, the supreme law adopted in 1936 and known in history under the infamous name “Stalin’s Constitution”, was characterized by many cultural workers and even Western legislators as a document which brings Russia back to democratic values and attitudes [23, pp. 122–138; 21, pp. 28–38]:

“The Soviet Union is bifacial. When in struggle, the face of the Union is austere mercilessness, which blazes through any opposition. When in creation, its face is democracy, which is proclaimed by the Constitution as its end goal. And the fact of adoption of the new Constitution by the Extraordinary Congress right in the period between the two trials – those of Zinoviev and Radek

– symbolizes it” (Lion Feuchtwanger, preeminent German writer) [42].

“This Constitution shows to the whole world that the Soviet Union has had a decisive victory over the ossified remains of the old system. It is the establishment of the true democracy... It is the actualization of the great slogans, which previously only existed in the dreams of the mankind – liberty, equality and fraternity” (Romain Rolland, French writer, Nobel Prize laureate [35, p. 40]).

These words are about the constitution which was adopted not just between two state trials (those of Zinoviev and Radek), but during one of the most sinister periods in the Russian history – the period of mass political repressions, the GULAG, wholesale slaughter of peasants, and the Holodomor (famine genocide). The authors of the 1936 Soviet Constitution managed to create an attractive image of the state: from the perspective of content, it can be called one of the most progressive constitutions, given the rights it granted, including socio-economic rights (right to labor, right to rest and leisure, old age and disability pension entitlement, right to free education of all types, including higher education, and free healthcare) and political rights (universal, equal and direct elections to all state bodies by way of secret voting, freedom of religion, speech, press, gathering and meetings, personal immunity, and privacy of correspondence). Even the principles of federation set forth by this Constitution appear quite democratic. Even the All-Union Communist (Bolshevik) Party is mentioned in it only once, in Article 126, which calls it “the vanguard of the working people in their struggle for the reinforcement and development of the socialist system” and “the leading core of all working people’s organizations”. It was expected that the 1937 elections to the Supreme Council of the USSR would be competitive, and that the ballot paper developed and approved by the Political Bureau of the All-Union Communist (Bolshevik) Party would only be used half a century later – at the 1989 elections.

From Constitution of State to Constitution of Society

Even the most severe critics of the Communist (Bolshevik) regime, which gained foothold during the collapse of the Russian Empire and the Civil War that followed, cannot deny the revolutionary character of the effect on the constitutional and legal doctrine produced by first Soviet constitutions. It is a satisfaction to know that one of the Soviet constitutions – namely the 1918 Constitution of

РСФСР 1918 года – вошла в историю как один из первых конституционных актов, отошедших от подхода, согласн о которому предназначение конституции виделось исключительно в декларировании суверенной формы государства и урегулировании системы взаимоотношений между различными органами (ветвями) государственной власти. Номинально этот прорыв можно определить как переход от первой модели конституционного дизайна – модели «конституции государства» – к новому концепту «конституции общества».

Хотя немного обидно признавать приоритет в формировании такой модели за другой революционной конституцией – Конституцией Мексиканских Соединенных Штатов от 5 февраля 1917 года. Именно Конституция Мексики впервые закрепила широкий перечень социально-экономических прав для граждан республики, среди которых 8-часовой рабочий день, закрепление минимальной заработной платы и права на социальные выплаты, еженедельный день отдыха, ограничение использования труда женщин и детей (подростков), ежегодные отпуска, послеродовой отпуск для женщин. В перечне политических прав мексиканская конституция предусмотрела право на создание проф-союзов и забастовки.

Компенсацией подобной обиды может стать понимание, что, если две страны, расположенные на разных континентах, в различных социально-экономических условиях и с различными политическими режимами приходят к новому, но имеющему много общего между собой типу конституции, следовательно, можно выявить закономерный характер появления новой модели конституционного дизайна. Отныне конституции призваны урегулировать основные общественные отношения, отразить подход государства к политическим, социально-экономическим и культурным правам человека и гражданина, предоставить видение перспективы развития этого государства и общества. Таким образом, с содержательной точки зрения история конституционного развития выделила именно эти две основополагающие модели основных законов. Принятие конституций Мексики 1917 года и РСФСР 1918 года ознаменовало переход ко второму этапу становления системы конституций (основных законов) современности.

За Конституциями Мексики и России последовали Веймарская Конституция 1919 года, Конституция Австрийской Республики 1920 года, Чехословацкой Республики 1921 года, в которых также нашли отражение социально-экономические права граждан, конституционному

осмыслению подверглись доктрины народного суверенитета, социальной справедливости, свободы.

Универсализация и развитие компаративистики

Наиболее интересным в истории дизайна конституционно-правовых актов является послевоенное (после Второй мировой войны) время. Это – период принятия наибольшего числа конституций, их достаточно частой смены, поиска новых форм выражения явлений социальной действительности. Это же и время расцвета компаративистики, когда об универсализации уже начали рассуждать, но лекала подобной универсализации еще не были выработаны. Разные страны вступили в этот этап в различных экономических и политических условиях, и, что неизмеримо важнее, в разных статусах с точки зрения итогов завершившейся войны: среди них были и державы-победительницы, страны антигитлеровской коалиции, и побежденные страны, страны-сателлиты Германии и Японии. Среди особенностей этого этапа – разделение сфер влияния между политическими «западом» и «востоком» в рамках Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений.

Особую яркость этому процессу придало то обстоятельство, что к конституционному моделированию приступили страны с интереснейшей историей развития права в целом и конституционно-правовой доктрины, в частности: Франция (Конституция 1946 года), Италия (Конституция 1946 года), Германия (Основной закон 1949 года). Последовала череда принятия конституционных актов в государствах Западной (страны, находившиеся под контролем США) и Восточной Европы (страны, оказавшиеся под контролем СССР).

Естественно, роль держав-победительниц в процессе принятия конституций не ограничивалась влиянием их правовых доктрин и действовавших конституций. Американские конституционалисты нашли приложение своих усилий при моделировании основных законов Японии (наиболее жестко), Германии и Италии [24]. Советские юристы вполне зримо воздействовали на процессы разработки и содержания основных законов государств, которые на четыре последующих десятилетия образовали блок «стран народной демократии» [5; 8; 13; 15]: Югославии (1946); Чехословакии (1948), Румынии (1947 и 1952), Польши (Малая Конституция 1947 года и Конституция Польской Народной Республики 1952 года), Венгрии и ГДР (1949).

Наибольший интерес для анализа характерных черт конституций этой исторической эпохи

the RSFSR – left its mark in history as one of the first constitutional acts that was not confined exclusively to the declaration of a sovereign state and regulation of relationships between different branches of power. In general terms, it was a breakthrough, which can be defined as the transition from the first constitutional design model – the model of the “state’s constitution” – to the new concept of the “constitution of society”.

However, for fairness’ sake it should be admitted that the priority here belongs to another revolutionary constitution – the Constitution of the Mexican United States as of 5 February 1917. It was the Constitution of Mexico that proclaimed for the first time a wide range of social and economic rights for citizens, including the 8-hour working day, minimal wage level, entitlement to social benefits, a weekly day off, limitation of the employment of women and children (adolescents), annual holiday entitlement, and maternity leave for women. As to the political rights, the Constitution of Mexico granted the right to establish labor unions and go on strike.

The slight disappointment caused by another constitution having the upper hand can be compensated for by understanding that if two different countries with different political regimes situated on different continents and existing in different social and economic conditions end up with very similar types of constitutions, it may be a pattern indicative of the advent of a new constitutional design. From now on, constitutions are destined to regulate key social interactions, reflect the approach of the state to political, socio-economic and cultural rights of people and citizens, illuminate development prospects of a country and society. Therefore, from the standpoint of content, these two supreme law models deserve special attention of those studying the history of constitution building. The adoption of the 1917 Constitution by Mexico and 1918 Constitution by the Soviet Russia marked the transition to the second stage in the establishment of the modern constitutional system.

The Constitutions of Mexico and Russia were followed by the 1919 Constitution of the Weimar Republic, 1920 Constitution of the Austrian Republic, and 1921 Constitution of the Czechoslovak Republic – all these constitutions also granted social and economic rights to citizens and reflected the

new doctrines of sovereignty of people’s rule, social justice, and liberty.

Universalization and Development of Comparativism

The time immediately following World War II is one of the most interesting periods in the history of constitutional design. This period is characterized by the adoption of a very large number of constitutions, their frequent changing, search for new ways to reflect social phenomena. It is also characterized by the rise of comparativism due to the fact that universalization had already become a topic for discussion, while there were no templates for such universalization. Different countries reached this stage in different economic and political circumstances and, what is much more important, in different statuses, from the perspective of the outcomes of the recent war – some of them were victorious Powers, allies in anti-Hitler coalition, while others were defeated nations, satellites of Germany and Japan. Among the unique characteristics of this period was the division of the spheres of influence between the West and East within the framework of the Yalta-Potsdam system of international relations.

The shaping landscape of constitutional modeling was greatly enriched with the advent of a number of countries with a very interesting history of development of their legal systems in general and constitutional and legal doctrines in particular. Those countries included France (1946 Constitution), Italy (1946 Constitution), and Germany (1949 Supreme Law). A series of constitutional acts were passed in countries of Western (controlled by the USA) and Eastern (controlled by the USSR) Europe.

Naturally, the influence of the victorious Powers on the constitution-making process was not limited to the influence of their legal doctrines and existing constitutions. For example, the American constitution designers played a significant role in the modeling of the supreme laws of Japan (where their pressure was the biggest), Germany and Italy [24]. Soviet legalists openly influenced the development of constitutions by the states that over the next four decades were part of the People’s Democracies bloc [5; 8; 13; 15]: Yugoslavia (1946 Constitution), Czechoslovakia (1948 Constitution), Romania (1947 and 1952 Constitutions), Poland (1947 Minor (Lesser) Constitution and 1952 Constitution of the Polish People’s Republic), Hungary and German Democratic Republic (1949 Constitutions).

Most interesting for the analysis of the constitutional trends of this period are the Basic Law

представляют Основной закон ФРГ и Конституция Японии – конституционные акты государств, не просто потерпевших поражение во Второй мировой войне (история человечества – это последовательность войн, в которых одни страны считали себя победителями, другие – старались минимизировать издержки поражения), но, вероятно, впервые в мировой истории проигравшие страны не просто несли территориальные потери, финансовые издержки и политические ограничения, но были признаны виновными в преступлениях против человечности, а их руководители предстали перед международным судом. Но даже в этих условиях, разрушенные и униженные, эти страны должны были выработать новые конституционно-правовые рамки своего будущего, представить миру свой образ этого будущего.

Япония предприняла попытки сохранить практически в неизменности Конституцию Японской империи 1889 года, более известную как Конституция Мэйдзи. Но американской военной администрацией (бригадным генералом Кортни Уитни (Courtney Whitney) и подполковником Майло Роуэллом (Milo Rowell) был подготовлен проект новой конституции, во многом построенной на доктрине американского конституционализма, который и был представлен на рассмотрение японскому парламенту. Американизированная версия Конституции Японии содержит значительный по объему и детализации перечень прав и свобод человека, причем заимствовались не столько положения самой Конституции США, учитывая ее исключительную лаконичность в данном вопросе, сколько наработки судебной практики в США к этому времени. Модель Верховного Суда Японии практически в неизменном виде копирует свой образец – Верховный Суд США [69, p. 322]. В целом, считается, что многие послевоенные конституции восприняли идею американского судебного надзора, переработав ее механизмы и практику применительно к своим правовым системам.

В то же время ряд исследователей отмечает учет наработок советской конституционной доктрины, в частности, считается, что закрепление равноправия мужчин и женщин в японской конституции произошло под влиянием положений советской Конституции 1936 года [17]. Впрочем, признание американской селекционной работы при разработке японской конституции не мешает японцам считать Конституцию 3 мая 1947 года серией поправок к Конституции Мэйдзи.

Германия – страна великой правовой культуры, давшая половину всех названий правовой системы (романо-германская) – не могла позволить себе вернуться к наработкам и достижениям

своей конституционно-правовой мысли, ведь именно дизайн Веймарской Конституции позволил Гитлеру демократическим путем получить власть и придать легитимный характер фашистскому политическому режиму. Более того, Веймарская Конституция выполняла функции конституции «третьего рейха»: пусть и в весьма усеченном формате, она сохранила свою юридическую силу вплоть до 5 июня 1945 года – даты перехода власти к Союзническому контрольному совету. Германия, страна великой правовой культуры (можно повториться), даже не могла позволить себе назвать свой основной закон «конституцией»! Дабы конституционно закрепить раздел Германии министры-президенты одиннадцати земель западной зоны оккупации категорически отказались не только именовать основной закон «конституцией», но проводить голосование-референдум по его принятию. Причем вопреки настойчивым пожеланиям западных оккупационных держав Тризонии.

Текст Основного закона Германии можно признать своего рода образцом для подражания в смысле того государственного оптимизма и государственной ответственности, который и излучает этот документ¹:

«Преамбула

...Ко всему немецкому народу обращается призыв довести до конца дело единства и свободы Германии, исходя из принципа свободного самоопределения.

Статья 23

(1) Действие данного Основного закона в настоящий момент распространяется на территорию земель Баден, Бавария, Бремен, Большой Берлин, Гамбург, Гессен, Нижняя Саксония, Северный Рейн-Вестфалия, Рейнланд-Пфальц, Шлезвиг-Гольштейн, Вюртемберг-Баден и Вюртемберг-Гогенцоллерн. В остальных частях Германии он вступит в силу после их присоединения.

Статья 116

(1) Если законом не установлено иное, немцем в смысле настоящего Основного закона является каждый, кто обладает германским гражданством, или в качестве беженца или изгнанного лица немецкой национальности, его супруга или потомка нашел убежище на территории Германии в границах, существовавших на 31 декабря 1937 г.

(2) Бывшие граждане Германии, лишённые гражданства в период между 30 января 1933 г. и 8 мая 1945 г. по политическим, расовым и религиозным мотивам, и их потомки подлежат вос-

¹ Цит. по тексту Основного закона Федеративной Республики Германии в редакции 23 мая 1949 г.

for the Federal Republic of Germany and the Constitution of Japan – the constitutional acts of two states that did not only lose World War II (the history of mankind is a long chain of wars, in which some countries declared themselves victors, while others were seeking to minimize the cost of loss). Probably for the first time in the human history the defeated states, beside their territorial losses, financial costs and deprivation of political rights, were convicted of crimes against humanity, and their leaders appeared before an international tribunal. But even in such circumstances these countries, destroyed and humiliated, needed to develop a constitutional and legal framework of their future, and present the image of this future to the rest of the world.

Japan made attempts to keep intact the 1889 Constitution of the Empire of Japan, known as Meiji Constitution, but Major General Courtney Whitney and Lieutenant Colonel Milo Rowell, on behalf of the US Military Government, drafted and presented to the Japanese Parliament a new constitution, which was in many ways based on the doctrine of American constitutionalism. The American version of the Japanese constitution included a sizable and detailed list of human rights and liberties, and it is important to note that it was not a copy of the provisions of the US Constitution, which is pretty short-spoken in this sense. Instead, it was based on the US case law of that period. Today, the Supreme Court of Japan, in terms of its structure, is a complete copy of the Supreme Court of the United States [69, p. 322]. It is believed that many post-war constitutions are based on the American judicial review concept, for which the mechanisms and practices of this concept were adjusted to meet the requirements of the respective countries' legal systems.

At the same time, some researchers point out that the Soviet constitutional doctrine was also taken into account. For example, it is believed that the equality of genders set forth by the Japanese Constitution was borrowed from the 1936 Constitution of the Soviet Union [17]. Moreover, while admitting the role of the USA in the development of Japan's supreme law, the Japanese still claim that the Constitution of Japan as of 3 May 1947 is just a series of amendments to the Meiji Constitution.

Germany, a country with a great legal culture, which gave its name to the Romano-Germanic law, was in no position to get back to the achievements of its constitutional and legal thought, since it was the design of the Weimar Constitution that had enabled Hitler's democratic rise to power and legitimized the fascist regime. Moreover, the Weimar Constitution played the role of the constitution of the Third Reich. Although to a limited extent, but it remained effective until 5 June 1945, when the power was shifted to the Allied Control Council. Germany, a country with a great legal culture (intended repetition), was in no position to call its supreme law "constitution"! In order to avoid constitutional entrenchment of the Division of Germany, minister-presidents of the eleven Lands of the western occupation zone flatly refused not only to call it "constitution", but also to hold a referendum on its adoption, despite the demands of the Trizonia states.

The text of the Basic Law for Germany is a kind of paragon in terms of governmental optimism and governmental responsibility¹:

“Preamble:

...The entire German people is called upon to accomplish, by free self-determination, the unity and freedom of Germany.

Article 23 (1) For the time being, this Basic Law shall apply in the territory of the Laender Baden, Bavaria, Bremen, Greater Berlin, Hamburg, Hesse, Lower Saxony, North Rhine-Westphalia, Rhineland-Palatinate, Schleswig-Holstein, Wuerttemberg-Baden and Wuerttemberg-Hohenzollern. It shall be put into force for other parts of Germany on their accession.

Article 116

(1) Unless otherwise regulated by law, a German within the meaning of this Basic Law is a person who possesses German nationality or who has been accepted in the territory of the German Reich as of 31 December 1937 as a refugee or expellee of German stock or as the spouse or descendant of such person.

(2) Former German nationals who between 30 January 1933 and 8 May 1945 were deprived of their nationality for political, racial or religious reasons, and their descendants, shall be regranted

¹ Cited by: Basic Law for the Federal Republic of Germany as of May 23, 1949.

становлению в гражданстве по их ходатайству. Они считаются не утратившими гражданства, если после 8 мая 1945 г. поселились в Германии и не выразили иной воли.

Статья 146

Настоящий Основной закон прекратит свое действие в день, когда вступит в силу Конституция, принятая свободным решением немецкого народа».

Задумывавшийся как временный документ, Основной закон ФРГ:

1) в эпоху национального унижения утверждал перспективу достижения единства Германии и принятия конституции объединенного государства;

2) несмотря на очевидные обвинения в реваншизме, содержал механизмы распространения своего действия и на иные германские земли (сначала эта статья была применена 1 сентября 1957 г. при вхождении по итогам проведенного референдума и Люксембургского договора с Францией в германскую федерацию земли Саар, а осенью 1990 г. выступила правовым инструментом поглощения ГДР);

3) и главное, объявлял немцам и, следовательно, принимал на себя ответственность перед всеми, кто был связан с немецким государством в прошлом и связывал с ним свое будущее.

Этот заряд государственного оптимизма и государственной ответственности достоин уважения, ведь есть и еще один аспект, обуславливающий особое внимание и уважение российских правоведов к создателям Основного закона ФРГ 1949 года и Конституции Японии 1947 года: названные конституционно-правовые акты принимались в государствах, переживших глубочайшие государственные драмы, разрушение предшествовавших форм государств, территориальные потери, в условиях жесточайших экономических кризисов.

Эти условия во многом перекликаются с характеристикой эпохи новейшей истории России в начале 1990-х, в которых разрабатывалась и принималась Конституция Российской Федерации 1993 г. Возможно, с единственной поправкой: Россия не считала себя проигравшей в противостоянии с Западом. Пока россияне тешили себя лозунгами о победе над коммунизмом-тоталитаризмом, во всем остальном мире утвердился взгляд на Россию как на проигравшую сторону в холодной войне со всеми вытекающими для побежденной страны последствиями.

К сожалению, динамизм развития конституционно-правового дизайна, основанного на новых идеях конституционно-правовой мысли, не был поддержан на тех этапах развития конституционной карты мира, когда к процессу со-

здания основных законов приступили страны, освободившиеся от колониальной зависимости. Новые независимые государства зачастую просто копировали основные положения конституций их бывших метрополий или же других государств, не рассматривая серьезно иные альтернативы [64, p. 96].

Так, для целого ряда стран арабского Востока (Конституции Египта 1923, Ирака 1924, Ливана 1926, Трансиордании 1928, Сирии 1930, Кувейта 1939 года) сам факт принятия конституций еще в период между двумя мировыми войнами признается отражением их полуколониальной зависимости. Презюмируется, что их собственный исторический опыт к этому этапу развития не мог бы привести к такой форме регулирования государственно-политических и социально-экономических отношений. «В годы господства европейских колонизаторов конституции составлялись лишь по западноевропейским форматам (Конституция Египта, например, была составлена по образцу Бельгийской Конституции 1831 года, Конституция Ливана копировала Конституцию Франции 1875 года, Иракская конституция синтезировала положения ряда европейских конституций и т. д.)» [36, с. 11].

Соблазна копирования передового опыта не смогли избежать страны Восточной Европы, принимая свои постсоциалистические конституции, и новые независимые государства, образовавшиеся на постсоветском пространстве. Объективно разработчики новых конституций государств, расположенных на различных континентах, обладают неизмеримо большими информационными ресурсами и возможностями для изучения и применения, учета достоинств и недостатков, апробированных в ведущих странах мира конституционных моделей, чем это имело место в XIX и даже XX веке.

Так, «Google открыл электронный архив, где собраны конституции разных стран мира. По сообщению компании, эта инициатива призвана помочь государствам в составлении текстов своих конституций, передает BBC. Отмечается, что особенно полезен ресурс будет для стран, недавно переживших политический или военный конфликт. Например, президент Туниса Монсеф Марзуки, присутствовавший на официальном открытии архива в Нью-Йорке, сказал, что его страна планирует активно пользоваться архивом. Политические силы в Тунисе не могут договориться о проекте новой конституции, необходимость в которой возникла после революции 2011 года...»¹

¹ См., напр.: www.constituteproject.org. Коммерсантъ. 2013. 24 сент.

citizenship on application. They shall not be considered to have lost citizenship insofar as they took up residence in Germany after 8 May 1945 and have not expressed a wish to the contrary.

Article 146

This Basic Law shall become invalid on the day when a constitution adopted in a free decision by the German people comes into force.”

Intended to be a provisional document, in the era of national humiliation, the Basic Law for the Federal Republic of Germany proclaimed the goal of German reunification and adoption of a constitution of a unified state. Despite obvious accusations of revanchism, it contained provisions for its expansion to the other German Lands (for the first time, those provisions were enforced on 1 September 1957, when Saarland was returned to Germany based on the results of a referendum and in accordance with the Treaty of Luxemburg, an agreement between Germany and France; in autumn 1990 they were used as a legal tool to reintegrate the GDR). Most importantly, this Law pronounced Germans all those who had been committed to the German state in the past and were committing their future to it, and set forth the responsibility of Germany to such people.

This spirit of state optimism and state responsibility deserves full respect, and there is another factor drawing special attention of the Russian law experts to the 1949 Basic Law for Germany and 1947 Constitution of Japan – these constitutional acts were adopted by countries that had suffered a terrible political disaster, collapse of state, and territorial losses, and existed in the situation of a severe economic crisis.

This story was in many ways repeated by Russia in the early 1990s, when the 1993 Constitution of the Russian Federation was adopted. Just one thing to bear in mind – Russia did not see itself as a losing party in its competition against the West. While the Russians rejoiced at “their victory over the totalitarian communist rule”, the rest of the world was reinforced in the view that Russia had lost the Cold War with all the consequences that come with such a loss.

Regretfully, at that stage of development of the constitutional map of the world, when new decolonized countries got down to writing their supreme laws, the pace of progress of the constitutional and legal design based on new constitutional and legal

ideas was not maintained. Quite often, new independent states would simply copy key provisions of the constitutions of their former mother countries or other states, failing to examine seriously any alternatives [64, p. 96].

Thus, the very fact of adoption of constitutions by a number of Middle East states in the period between the two world wars (1923 Constitution of Egypt, 1924 Constitution of Iraq, 1926 Constitution of Lebanon, 1928 Constitution of Transjordan, 1930 Constitution of Syria, and 1939 Constitution of Kuwait) is believed to be proof of their semi-colonial status. Presumably, their own historical experience could not have resulted in this type of regulation of state, political and socio-economic interactions. “In the years of European colonial dominations, constitutions were only drafted based on West European standards (for example, the Egyptian Constitution was based on the 1831 Constitution of Belgium, the Constitution of Lebanon was a copy of the French Constitution of 1875, the Constitution of Iraq repeated provisions of several European constitutions, etc.)” [36, p. 11].

Similarly, the countries of Eastern Europe and new independent states that emerged on the territory of the former Soviet Union could not avoid the temptation to copy available best practices when designing their post-socialist constitutions. Compared to the 19th and even 20th century, today, those drafting constitutions for their respective countries on different continents have access to much more data that may be necessary to examine and take into account the advantages and disadvantages of the constitutional models tested by the leading countries.

Thus, “Google opened an electronic archive comprising constitutions of many countries. According to Google, this initiative is intended to help the states in designing their constitutions”, says BBC. It is pointed out that this information resource will be particularly useful to the countries that recently experienced a political or military conflict. For instance, president of Tunisia Moncef Marzouki, who had attended the official opening of the archive in New York, said that his country would be its active user. The Tunisian political actors have been unable to agree upon their new constitution draft, which became so necessary after the 2011 Revolution...”¹

¹ See, for example: *The Kommersant Daily*. September 24, 2013. Available at: www.constituteproject.org.

Дизайн современных конституций нередко сводится к процессу ЛЕГО-конструирования, а сам процесс выбора исходных элементов низводится до похода на склад одного из символов глобализации – компании ИКЕА:

«В зависимости от теоретического подхода всеобщую конституцию можно определить как глобальный резервуар или архив, коллективное конституционное мышление или перечень, или, если на то пошло, супермаркет... Стандартизированные предметы регистрируются, хранятся, выставляются и доступны для покупки составителям конституций во всем мире. Похоже на склад ИКЕА для материалов конституционного строительства, в котором любой, кто собирается создать, изменить или пересмотреть конституцию, может найти словарь, грамматику, стиль и современный дизайн. Покупатель может приобрести полный политический режим, такой как конституционная монархия или парламентская демократия, или предметы, более ограниченные по охвату, такие, как каталог прав, двухпалатную систему, институциональное соглашение о пересмотре конституции или о президентской системе, или только один пункт, например, политическую доктрину или право на равноправие. У покупателей есть выбор между готовыми изделиями, *prêt à porter*, отдельными частями, которые будут собраны дома, и вдохновляющими идеями, требующими высокой степени конструктивной обработки.

Оказавшиеся на полках склада ИКЕА универсальные конституционные предметы международного спроса обычно не отсылают к месту своего оригинального производства. Подобно тому, как кроссовки NIKE не содержат отметку “изготовлено детьми в подпольных цехах Мумбаи”, конституция не будет помечена знаком “идеологический продукт землевладельческой элиты”. Каталог прав, моделей представительной демократии, систем судебного контроля, правила внесения поправок и т. д. располагаются в конституционном магазине ИКЕА в виде обычных описаний учреждений или текстов норм, взятых из конституционных документов» [56, p. 14].

За кажущейся практичностью описываемой модели конституционного дизайна плохо скрываются цивилизационное высокомерие и научный снобизм: оставим высокую теорию конституционного права и философию конституционализма «старым западным демократиям», «новым демократиям» в этой модели надлежит лишь выбрать модули из номенклатуры конституционного склада и скомпоновать некий текст. Если воспользоваться тем же стилем мебельных метафор, можно увидеть: как из найденных на

складе ИКЕА корпусов нельзя собрать мебельный гарнитур ручной работы из благородных пород дерева, так из подобранных на конституционном складе модулей конституционно-правовых институтов нельзя собрать конституцию государства и общества, конституцию народа. Ведь каждое государство, каждый народ, большой или малочисленный, каждое общество, развитое или развивающееся, богатое или только ставшее на путь первоначального накопления капитала, обладает своей историей, своими традициями, своими достижениями и ошибками, своей гордостью и своим образом будущего.

«Слепое», не сочетаемое с уровнем развития общества и экономики, несогласуемое с особенностями различных государств копирование приводит к противоречиям между реальной, действительной конституцией и конституцией писаной, при котором в полной мере подтверждается выведенная еще Ф. Лассалем формула, что в последнем случае писаная конституция – всего лишь «листок бумаги»:

«Если у вас в саду растет яблоня и вы повесите на нее ярлык с надписью: сие есть фиговое дерево – сделается ли яблоня фиговым деревом? Нет, и хотя бы все ваши домочадцы, хотя бы все жители околотка собрались и громогласно, торжественно поклялись и присягнули: сие есть фиговое дерево – дерево останется, чем было, и на будущий год это окажется, когда на нем вырастут яблоки, а не фиги. То же и с конституцией. Все равно, что ни написать на листке бумаги, если написанное противоречит реальному положению вещей, фактическим отношениям сил» [19].

Негативные последствия соблазна копирования значительно меньше иной тенденции, приобретающей все более выраженный характер – «конституционного миссионерства». «Если девятнадцатый век был веком христианских миссионеров, то двадцать первый может стать веком конституционных миссионеров», – рассчитывает Дональд Горовиц [62, p. 16], вероятно, искренне видя себя в качестве такого миссионера, а представляемую им американскую конституционно-правовую школу – миссионерским центром, призванным продвигать свою модель в другие страны. В деятельность «по продвижению конституционной демократии» включились посольства и неправительственные организации, в ходе этого процесса применяются инструменты «цветных революций» и прямого военного вмешательства.

Подобное продвижение противоречит как принципам международного права, так и подходам настоящей компаративистики, предпо-

Quite often, the process of designing a modern constitution resembles playing with Lego building blocks, and the choice of those blocks is very much like shopping in an IKEA store – one of the symbols of globalization:

“Depending on the theoretical register, the global constitution might be referred to as the global reservoir or archive, the collective constitutional consciousness or repertoire, or, for that matter, supermarket. Whatever the designation, the market etc. results from a myriad of transfers: Standardized items are registered, stored, exhibited and available for purchase to constitution-makers around the world. At this IKEA market for constitutional building materials, whoever is about to frame, amend or revise a constitution may – and generally does – tap the vocabulary, 50 grammar, style, and design characterizing the modern idiom. The buyer may shop for a complete political regime, such as a constitutional monarchy or a parliamentary democracy, or items more limited in scope, such as a rights catalogue, a two-chamber system, an institutional arrangement for constitutional review or a presidential system, or only a single item, such as the political-question doctrine or the right to equal treatment. And shoppers have the choice between finished products, *prêt à porter*, disassembled parts to be put together at home, or inspirational ideas requiring a high degree of constructive elaboration.

Once on the shelves of the IKEA market, globalized constitutional items generally do not refer to their (original) production site. Very much like NIKE sneakers not carrying a notice “produced by children in the sweatshops of Mumbai”, a constitution would not be labeled “ideological product of the landowning elite”. Rights catalogues, models of representative democracy, systems of judicial review, values, amendment rules, and so on are held in store at constitution IKEA as bare descriptions of institutions or texts of provisions gleaned from constitutional documents” [56, p. 14].

The seeming pragmatism of the described constitutional design model pretty poorly disguises the civilizational arrogance and scientific snobbery – let so called “old democracies” play with the grand theory of constitutional law and philosophy of constitutionalism, “new democracies” should only select from this model the modules they need to come up with a certain constitutional text. If we get back to the style of “furniture metaphors” above, we will clearly see that, like furniture components from

ИКЕА store shelves cannot be used to make noble wood furniture, “prefabricated institutional modules” found at a “constitutional warehouse” are not good enough to come up with a constitution of state and society, people’s constitution. Every country, every people, whether big or small, every society, whether developed or developing, rich or just engaged in the primary accumulation of capital, has its own history, traditions and achievements, its own errors and pride, its own future image.

Blind copying, incompatible with the level of development of the economy and society, failing to meet the countries’ individual needs, leads to contradictions between the constitutional reality and written constitution, in which case the latter is what Ferdinand Lassalle called just “a sheet of paper”.

“If you have in your garden an apple-tree and proceed to hang on it a label which declares: “This is a fig-tree”, have you thereby transformed the tree into a fig-tree? You have not, even though you should gather all your servants and all the inhabitants of the country around and have them all declare aloud with due solemnity: “This is a fig-tree”; the tree will remain what it always has been.

And when the next year comes around, the truth will come out. The tree will bear apples and not figs. Quite similar, as we have seen, is the case with the constitution. What is written on this sheet of paper is of no value at all if it does not correspond to the real condition of affairs, to the actual alignment of forces” [19].

The negative consequences of this temptation to copy are much less significant than those of another trend, which is becoming increasingly obvious, – the trend of “constitutional missionary work”. “If the nineteenth was the century of Christian missionaries, the twenty-first may become the century of constitutional missionaries”, says Donald L. Horowitz [62, p. 16], probably, considering himself to be such a missionary, and viewing the American constitutional school as a missionary center destined to expand its model to other countries. The promotion of “constitutional democracy” is supported by embassies and non-governmental organizations, and envisages the use of tools such as “flower revolutions” and direct military intervention.

Such promotional efforts contradict both the principles of international law and views of true comparativism, according to which drafting of

лагающей, что проектирование современных конституций должно основываться на серьезном международно-компаративистском подходе. Международном – в том смысле, что оно предполагает и поощряет участие экспертов и практиков из иностранных государств, компаративистском – поскольку при конституционном проектировании активному сравнению и учету подлежит опыт иных стран, находившихся в схожих условиях.

Такой подход был реализован при разработке Конституции Российской Федерации 1993 года. Международно-компаративистский подход столь заметен, что позволяет политически ангажированным авторам утверждать, как минимум, заимствованный характер конституционных институтов и используемых теорий. Исключительно ярко этот примитивный подход демонстрирует многократно цитируемая в отечественной правовой литературе ссылка на мнение «французского специалиста по государственному праву Желара», который «определил в основе нетипичной российской конституции доли западных образцов в следующей пропорции: «влияние французской конституции – на 50 %, американской – на 30 %, а российского имперского наследия – на 20 %» [47, с. 52–53]¹.

Убеждение о доктринальной схожести российской и французских конституций стало расхожим взглядом. Возможно, кто-то видит в этом следование знаменитому прозрению Мари-Анри Стендаля, проведенного в императорской свите Наполеона всю русскую кампанию 1812 года:

«Вот что, дорогой мой [сказал князь Коразов Жюльену Сорелю]... вы что... влюбились в какую-нибудь актрису?» Русские старательно копируют французские нравы, только отставая лет на пятьдесят. Сейчас [в 1830 г.] они подражают веку Людовика XV».

Не стоит сетовать на национальное унижение, во-первых, вероятнее всего, в Стендале говорила горечь за поражение Франции в войне, а во-вторых, французские нравы настолько симпатичны и приятны, что следовать им, пусть и с полувековым опозданием, незарочно.

В теоретико-правовом плане с подобным взглядом можно согласиться в той степени, в которой именно достижения французской конституционной доктрины можно признать основополагающими при разработке ведущих понятий и теорий конституционного права. В конце концов, французская Декларация прав и свобод человека и гражданина 1789 года сопровождала

все 16 конституций² этой страны и ныне является одной из трех составных частей основного закона Франции (наряду с Преамбулой Конституции 1946 года и собственно Конституцией Французской Республики 1958 года).

В то же время даже сходство многих моделей не говорит об их прямом заимствовании. Помимо теоретической необоснованности и несоответствия реальным историческим событиям утверждение о «гибридном» характере конституционных актов (будь то акты Российской Федерации или иных государств) чрезвычайно опасно, так как представляет конституционно-правовую систему страны как несвязный набор различных по происхождению и противоречивых по содержанию государственных и правовых институтов.

Несмотря на очевидность подобной опасности, следует признать, что ряд институтов конституционного права оказался наиболее податливым к заимствованию инородных элементов: это прежде всего системы судебного надзора и конституционного правосудия, а также избирательное право, особенно применительно к типам избирательных систем. Стоит проанализировать современное законодательство многих государств, чтобы согласиться с выводом: в каждом из таких государств стремление усовершенствовать избирательное право путем регулярной смены избирательных моделей, обращения к различным вариантам формирования органов государственной власти приводит к снижению доверия к выборам и формируемым на их основе органам власти. Также исключительно редко становятся успешными попытки привить заимствованные институты, если только не удастся органично вписать их в уже существующие модели государственной власти. Позитивные результаты имеют место лишь в тех случаях, когда разработанные и апробированные в одной государственно-правовой модели институты имплементируются с учетом уровня развития конституционно-правовой теории, их совместимости, соответствия интересам ведущих политических и общественных сил.

При этом важно, что эти политические силы отдают себе отчет в том, что одинаковые правовые конструкции и схожие по правовому закреплению государственные институты в реальной жизни функционируют весьма различно. Кажущиеся универсальными правовые доктрины прочитываются и чувствуются разными

² Количество французских конституций – вопрос дискуссионный: различные авторы называют от 14 до 17 собственно действовавших конституций и конституционный хартий; если же учитываются не вступившие в силу конституционные акты, их число доходит до 22.

modern constitutions must be based on a serious international comparison. The word “international” means that participation of international experts and practitioners is envisaged and encouraged, while the word “comparison” means that in designing a constitution one should compare and take into account the experience of other countries that found themselves in similar circumstances.

This approach was used to develop the Constitution of the Russian Federation in 1993. Any approach based on international comparison is so obvious that it allows politically motivated authors to assert that at least constitutional institutions and theories were borrowed. This primitive approach is perfectly characterized by Patrice Gelard, a heavily cited French state law expert, who identified percentage shares of the Western influence on the Russian Constitution as follows: the French Constitution – 50%; the US Constitution – 30 %; the heritage of the Russian Empire – 20%” [47, pp. 52–53].¹

The similarity of the Russian and French constitutional doctrines has become common belief. Possibly, it echoes the famous enlightenment of Marie-Henri Beyle (Stendhal), who was part of Napoleon’s imperial cortege during the whole Russian campaign of 1812:

“Ah, my dear fellow, have you lost all your money, or can you be in love with some little actress?” said prince Korasoff to Julien Sorel. “The Russians imitate French ways, but always at a distance of fifty years. They have now (1830) reached the days of Louis XV”.

No point in complaining about national humiliation. First of all, most likely, Stendhal was taking hard the loss of France in the war, and, second of all, the “French ways” are so attractive and pleasant, that imitating them, even with a 50-year delay, is not blameworthy.

From the legal theory standpoint, one can agree with this opinion to the same extent as the achievements of the French constitutional doctrine can be found fundamental in the development of key concepts and theories of the constitutional law. After all, the French Declaration of the Rights of Man and of the Citizen, 1789, served as the basis of

¹ Patrice Gelard, Dr. of Political Science, Dr. of Slavic Studies at the University of Paris, Senator.

all the 16 French Constitutions² and continues to be one of the three parts of the supreme law of France (along with the Preamble of the 1946 Constitution and the main body of the 1958 Constitution of the French Republic).

At the same time, the similarity of many models does not mean that they were all borrowed. Apart from being theoretically unsubstantiated and failing to reflect actual historical events, assertions that all constitutional acts (whether Russian or foreign) are “hybrid” in nature are extremely dangerous, as they imply that the constitutional and legal system of a country is a chaotic set of state and legal institutions, varying in terms of origin and controversial in terms of content.

Despite this obvious danger, it should be admitted that there are some constitutional institutes that are more responsive to the borrowing of foreign elements, including, in the first place, the systems of judicial review and constitutional justice, as well as the electoral franchise, especially in some types of electoral systems. The analysis of the modern electoral legislation of many countries brings us to the conclusion that in each of those countries the desire to improve the electoral system by means of frequent replacement of electoral models and introduction of different approaches to the formation of the bodies of state authority reduces public confidence in the electoral system and the state bodies formed on the basis of elections. Similarly, very seldom borrowed institutions prove to be successful if they are not incorporated seamlessly in the existing models of state government. Institutes developed and tested in a different state and legal model can only be successfully borrowed if it is done taking into account the level of development of the constitutional theory, and if they are compatible with and meet the interests of the leading political and social agents.

It is also important that such political and social agents clearly understand that even similar legal frameworks and state institutions, while looking alike in terms of their legal confirmation, in real life may work very differently – seemingly universal legal doctrines may be read and felt differently

² The exact number of French Constitutions is quite questionable. Different authors name between 14 and 17 constitutions and constitutional charters which were in effect. With constitutional acts that were never made effective this figure can reach 22.

¹ Речь идет о докторе политических наук и докторе славяноведения Парижского университета сенаторе Патрике Желаре (Patrice Gelard).

народами весьма по-своему. Главное в другом, чтобы подобные универсальные институты не оставались лишь декором на фасаде государственности, а действительно выполняли роль несущих конструкций. Хотя и значение декора нельзя приуменьшать.

«Красота» в терминах конституции

Особая красота конституционного дизайна предстает тогда, когда в тексте основного закона удается обеспечить емкость и содержательную глубину при минимальном использовании юридических формул и правовых доктрин. Если угодно, речь идет о принципе минимализма в конституционном дизайне: лаконичность используемых юридических средств для достижения целей конституционного регулирования, простота и ясность правовых форм. Конституционные положения должны быть априори доступны для понимания (хотя бы на самом элементарном уровне) каждым гражданином. Излишняя теоретическая сложность, вычурность или же громоздкость формулировок, предусмотренных конституцией процедур всегда приводят к понижению уровня доступности их восприятия, что имеет следствием рост недоверия.

Само понимание конституции как основного закона, призванного урегулировать важнейшие общественные отношения, содержит в себе вектор стремления к лаконичности. Конституции, задуманные как рамочные регламенты для закрепления народного суверенитета, системы органов государственной власти и формы государственного устройства, представляют собой весьма небольшие по объему тексты: Конституция США состоит из 7 статей, подразделенных на 21 раздел, дополненных первыми десятью поправками. Причем, вопреки ожиданиям, текст американской конституции не оперирует понятиями «суверенитет», «демократия», «народовластие».

Изучая понятие и сущность конституции как политико-правового документа, принято характеризовать их в материальном смысле как писанный акт, совокупность актов или конституционных обычаев. Как известно, не во всех странах конституция представляет собой единый правовой акт. Например, Конституция Австрии включает 14 конституционных актов, Израиль – 12 и Соглашение о секторе Газа, Швеции – 5. В Великобритании, которую обычно называют страной, не имеющей писаной конституции, тем не менее имеются многочисленные правовые акты, которые, не являясь кодифицированными законами, представляют по совокупности ее Конституцию. Важное значение в ней наряду с конституционными обычая-

ми, часть из которых также нашла отражение в писаном праве, занимают такие акты, как Великая хартия вольностей 1215 года и Петиция о праве 1628 года, Билль о правах 1689 года и Акт об устройении 1701 года, акты о парламенте 1911 и 1949 годов, Акт о пэрстве 1963 года, Акт о расовых отношениях 1968 года, Акты о народном представительстве 1949 и 1969 годов, Акт о местном управлении 1972 года и многие другие. Количество актов конституционного характера в Великобритании варьируется в трудах различных авторов от 10 до 350.

В Швеции роль ее Конституции выполняют четыре закона: Форма правления (1974), Акт о престолонаследии (1810), Акт о свободе печати (1949), Основной закон о свободе высказываний (1991). Аналогичная ситуация в Новой Зеландии, также не имеющей кодифицированного конституционного акта. Весомое оправдание отсутствию единого кодифицированного конституционного акта Израиль находят ортодоксальные евреи: Основной закон уже был дан евреям в виде заповедей Божьих Моисею.

Даже на первый взгляд монолитные конституции имеют нередко сложную структуру. Так, Конституцию Французской Республики образуют: а) собственно Конституция 1958 года; б) Декларация прав человека и гражданина 1789 года; и в) преамбула Конституции 1946 года. В отечественной истории своей сложностью отличались Конституция РСФСР 1918 года, включавшая в себя в качестве первого раздела Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, и Конституция СССР 1924 года, состоявшая из двух разделов, первым из которых выступила Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик, вторым – Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик. Действующая Конституция Литвы 1992 года включает в себя конституционный закон «О литовском государстве» от 11 февраля 1991 года и конституционный закон «О неприсоединении Литовской Республики к постсоветским Восточным союзам» от 8 июня 1992 года.

Лаконичность американской Конституции передалась Конституции Японии, содержащей 103 статьи, чуть больше статей (112) в Конституции Норвегии. Нередко это объясняется достаточно высоким уровнем конституционного творчества и правосознания в современных государствах. В то же время еще более сжаты Конституции Йемена (57 статей) и Саудовской Аравии (82 статьи). Отцы-основатели обозначенных конституционных актов не поддались «конституционной графомании».

by different peoples. The point is that, instead of being just a decoration on the statehood facade, such universal institutions should truly play the role of loadbearing structures. Although the function of decorations should not be underestimated too.

Beauty in Constitutional Terms

The beauty of constitutional design can be at its finest if the text of the supreme law is characterized by comprehensiveness and profoundness with the minimal use of legal formulas and doctrines. It is achieved by adhering to the principle of minimalism in constitutional design – brevity of provisions on constitutional regulation, simplicity and clarity of legal forms. The provisions of a constitution must be easily understandable (at least at the basic level) by each and every citizen. Excessive theoretical complexity, affectation of style or cumbersome wording inevitably result in difficulties in understanding and therefore growing distrust.

The very concept of constitution as a supreme law intended to regulate key social interactions implies pursuit of brevity. The texts of constitutions designed as a framework document providing for sovereignty of the people's rule and establishing forms and bodies of government are very short – the Constitution of the United States of America comprises 7 Articles and 21 Sections added by ten Amendments. Moreover, contrary to the expectations, one will not find in the text of the US Constitution terms such as “sovereignty”, “democracy”, or “people's rule”.

Those studying the essence of constitutions as political and legal documents normally describe them as a statutory law, corpus of legal acts or constitutional conventions. It is known that not all constitutions have the format of a single legal document. For instance, the Constitution of Austria comprises 14 constitutional acts, the Israeli Constitution consists of 12 legal acts plus the Agreement on the Gaza Strip, the Swedish Constitution consists of 5 legal acts. The United Kingdom, which is usually referred to as a country with no written constitution, nevertheless has numerous legal acts that make up the country's “unwritten constitution”, although they are not codifying statutes. On top of the constitutional conventions, some of which are included in the written law, there are other very important acts, such as the Great Charter (1215), the Petition of Rights (1628), the Bill of Rights

(1689), the Act of Settlement (1701), two Acts of Parliament (1911 and 1949), the Peerage Act (1963), the Race Relations Act (1968), the Representation of the People Acts (1949 and 1969), the Local Government Act (1972), and many more. The number of British constitutional documents mentioned in the works by different authors varies between 10 and 350.

In Sweden, the role of constitution is played by four laws: the Instrument of Government (1974), the Act of Succession (1810), the Freedom of Press Act (1949), and the Fundamental Law on Freedom of Expression (1991). A similar system exists in New Zealand, which does not have a unified constitutional document either. The absence of a single code-based constitutional law in Israel is convincingly explained by orthodox Jews, according to whom the Jewish people already has a Supreme Law in the form of the Ten Commandments given to Moses by God.

Even at a glance, monolithic constitutions often have a complex structure. For example, the Constitution of the French Republic consists of a) the Constitution as such (1958); b) the Declaration of the Rights of Man and of the Citizen (1789); and c) the Preamble of the 1946 Constitution.

In the Russian history, such complexity characterized the 1918 Constitution of the RSFSR, which included as its first section the “Declaration of Rights of the Working and Exploited People”, and the 1924 Constitution of the USSR, which comprised two sections: Section 1 – “Declaration of the Formation of the Union of Soviet Socialist Republics”, and; Section 2 – “Treaty on the Establishment of the Union of Soviet Socialist Republics”. The 1992 Constitution of Lithuania, which is currently in effect, consists of the constitutional law “On the Lithuanian State” as of 11 February 1991, and the constitutional law “On Non-Alignment of the Lithuanian Republic with Post-Soviet Eastern Blocs”.

The brevity of the US Constitution was passed over to the Constitution of Japan, which consists of 103 articles – slightly less than in the Constitution of Norway (112). Quite often, it is explained by the high level of constitutional creativity and legal consciousness in modern states. Even more compact are the Constitutions of Yemen (57 articles) and Saudi Arabia (82 articles). The “founding fathers” of these constitutions successfully escaped the temptation of “constitutional graphomania”.

Такое определение процессу разбухания конституционных текстов после Второй мировой войны дал Джованни Сартори (Giovanni Sartori) [70, p. 199], приводя в доказательство примеры Конституции Индии 1950 года (содержит 395 статей, дополненных перечнем детальных приложений) и Конституции Бразилии 1988 года, бьющую все рекорды размерами «телефонного справочника» (почти 42 тысячи слов): 245 статей в девяти разделах и 83 статьи переходных положений. Бразильская конституция «обещает рай на земле, но в итоге причиняет боль бедным»¹. Действительно, «душевности» и «доброты» Конституции Бразилии хватает на всех: индейцам она гарантирует признание их социальной организации, обычаев и традиций, языков и верований, а также первоначальных прав на земли, которые они традиционно занимают; пожилым (старше 65 лет) – бесплатный проезд в общественном транспорте; сиротам и брошенным детям – субсидии; лицам моложе 18 лет – исключение из-под действия уголовного закона; животным – запрет на жестокое обращение с ними и т. д. С трудом уместилась в 331-ю статью Конституция Нигерии. Конституция Мексики оправдывает свой значительный объем стремлением включить в себя основные начала практически всех классических отраслей права.

Выбор авторов конституционных текстов в пользу лаконичного дизайна или же «конституционной графомании» не подлежит никакому обоснованию, нельзя выявить взаимосвязь между степенью социально-экономического развития или уровнем развития конституционных школ либо политических систем. Нельзя объявить лаконичность чертой развитых демократий, а объемность конституционных текстов отнести к признакам развивающихся стран. Так, побить бразильский и индийский рекорды попытался проект Конституции Европейского союза, предложенный европейцам в качестве единого конституционного акта 9 октября 2004 года. Проект включал в себя 448 глав и более 60 000 слов. Попытка принять самый объемный конституционный текст в мире провалилась после негативного голосования по нему во Франции и Нидерландах.

Главное даже не объеме самого текста, значительно важнее требование концентрации в конституционных актах только тех положений, которые регулируют важнейшие общественные отношения. Таковыми теория конституционного

права признает отношения суверенитета, собственности, свободы, власти.

Следует отметить, что и классические конструкции конституционного дизайна не являются застывшими формами, их содержание переосмысливается и дополняется. В частности, послевоенные конституции нередко наполняли устоявшиеся к тому времени конституционные концепции новым содержанием и новым прочтением. Так, одной из самых авторитетных, а возможно, и одиозных, концепций, положенной в основу большинства моделей демократии, является теория народного суверенитета. В России, рассуждая о народовласти, как правило, говорят лишь о правах народа, о народном суверенитете.

В данном контексте весьма интересно прочтение этой теории в Конституция Японии 1947 года, которая даже объявляет народный суверенитет принципом, общим для всего человечества. Закрепляя монархический строй, Конституция Японии в статье 1, тем не менее, утверждает положение, которое никогда не сможет себе позволить ни одна из европейских монархий: даже статус императора «определяется волей народа, которому принадлежит суверенная власть». Также ни в одной из европейских конституций нет главы, которая говорила бы о правах и обязанностях народа. Именно так называется глава III Конституции Японии 1947 года: «Права и обязанности народа». Раскрывает суть такого явления, как «обязанности народа», статья 12 Конституции Японии:

«Свободы и права, гарантируемые народу настоящей Конституцией, должны поддерживаться постоянными усилиями народа. Народ должен воздерживаться от каких бы то ни было злоупотреблений этими свободами и правами и несет постоянную ответственность за использование их в интересах общественного благосостояния».

Другим краеугольным камнем всего здания современного общества является «священное право собственности». Житейский опыт давно вывел формулу, что собственность обременяет (среди обременений собственника не только обязанность по уплате налогов, в исключительных случаях превращающаяся в «налог на роскошь», страховых взносов и т. п., но и необходимость поддерживать имущество в исправном, безопасном и пригодном для эксплуатации в соответствии с назначением имущества состояния (ст. 210 Гражданского кодекса РФ). Разработчики Основного закона Германии 1949 года облекли этот житейский опыт в конституционную формулу: «Собственность обязывает. Владение ею есть служение общему благу», а также

This definition of the process of “bulking” of constitutional texts after World War II was suggested by Giovanni Sartori [70, p. 199], who uses as examples the 1950 Constitution of India (395 articles plus a list of detailed annexes) and the 1988 Constitution of Brazil that hits record numbers having the size of a hefty telephone book – almost 42 thousand words making up 245 articles split into nine sections and 83 articles of transitional provisions. The 1988 Constitution of Brazil “promised heaven on earth but ended up hurting the poor”¹. Indeed, the Constitution of Brazil is full of “warm-heartedness” and “kind” to all – it grants the indigenous peoples recognition of their social organization, customs and traditions, languages and religions, as well as the right to the lands which are traditional areas of their inhabitation; it also grants free public transport services to senior citizens (65+ years of age), subsidies to orphans and abandoned children, exemption from criminal liability to those under 18 years of age, prohibition of cruelty to animals, etc. The Constitution of Nigeria hardly fits in its 331 articles. The hugeness of the Mexican Constitution can only be explained by the wish of its authors to include in it the basics of virtually all classical branches of law.

There is no explanation why some authors of constitutional texts opt for a laconic design, while others prefer “constitutional graphomania”, as there are no identifiable dependencies between the level of social and economic development and the level of development of constitutional schools or political systems. It would not be right to say that the brevity of a constitutional text is a sign of developed democracy or that its heftiness is an attribute of developing states. Thus, the records set by Brazil and India could have been beaten by the draft of the EU Constitution as of 9 October 2004. Its draft comprised 448 articles and more than 60,000 words. This attempt to adopt the most voluminous constitutional text in the world failed after it had been voted down in France and the Netherlands.

In fact, the size of the text is not the most important point. Much more important is the requirement to concentrate in constitutional acts only those provisions that regulate key social interactions. The

¹ Antonio Britto, Brazilian welfare minister, on the 1988 Constitution of Brazil, cited by: *The Economist*. October 9, 1993. P. 45.

constitutional theory considers as such the relations of sovereignty, ownership, freedom, and authority.

It should be emphasized that the classical constitutional designs are not rigid either – their content is continuously reviewed and updated. Thus, quite often Postwar constitutions enriched the then existing established constitutional concepts with new content and meaning. For example, one of the most influential and, probably, most controversial concepts used as basis by the majority of models of democracy is the theory of sovereignty of the people’s rule. In Russia, all the discussions on the people’s rule are typically boiled down to the rights of the people, popular sovereignty.

In this context, it may be very interesting to test this theory on the 1947 Constitution of Japan, which sets forth that the sovereignty of the people’s rule is a common principle shared by the whole mankind. Establishing a monarchy, the Japanese Constitution, nevertheless, contains in its Chapter 1 a provision no European monarchy can afford – even the Emperor’s status is “determined by the will of the people, in whom the power resided”. Similarly, no European constitution has an article devoted to the rights and duties of the people. It is this way that Chapter 3 of the 1947 Constitution of Japan is entitled – “Rights and Duties of the People”. The duties of the people are detailed in Article 12 of the Japanese Constitution.

“The freedoms and rights guaranteed to the people by this Constitution shall be maintained by the constant endeavor of the people, who shall refrain from any abuse of these freedoms and rights and shall always be responsible for utilizing them for the public welfare”.

Another cornerstone in the building of the modern society is the “sacred right of property”. From our life experience we know that property encumbers (the encumbrances faced by a proprietor are not limited to taxes, which in certain cases translate into luxury taxes, insurance fees, etc.; they also include the costs related to maintaining the serviceability, safety and operability of property (see Article 210 of the Civil Code of the RF). The developers of the 1949 Basic Law for Germany articulated it as follows: “Property obliges. Possessing property means serving the public good”.

¹ Так оценил Конституцию Бразилии 1988 года министр социального обеспечения страны Антонио Бритто. Цит. по: *The Economist*. 1993. October 9. P. 45.

ввели положение о возможности государства на основе закона принудительно отчуждать собственность, в том числе обобществлять земли, общественные ресурсы и средства производства «для общего блага» (статья 15).

Именно эти четыре блока общественных отношений (суверенитет, собственность, свобода, власть) подлежат закреплению в основном законе, отражение иных вопросов в основном законе следует признать конституционными излишествами.

Многочисленные и частые исключения из этого правила обосновываются либо значимостью тех или иных вопросов для государственности и экономики страны (например, учитываемое особое значение Нила и Суэцкого канала для экономики страны, Конституция Египта 2014 года содержит отдельные статьи, посвященные защите этих объектов природы и инженерии), либо признаются историческими курьезами (Конституция Швейцарии 1999 года вводит особые налоги на карбюраторные двигатели и содержит детальную градацию и ставки в швейцарских франках «паушального сбора с тяжелого транспорта» весом более 3,5 тонн (статья 196 главы 2 «Переходные положения»), а Конституция Бразилии 1988 года регулирует порядок продажи жидкого и газообразного топлива (параграф 7 статьи 34 Акта о переходных конституционных положениях). Нередко конституционные излишества вызваны весьма благими побуждениями, как в Конституции Египта 2014 года, которая, стремясь гарантировать финансовое обеспечение развития социальной сферы, вводит минимальные нормативы государственных расходов на здравоохранение (не менее 3 % ВВП, ст. 18), образование (не менее 4 % ВВП, ст. 19), высшую школу (не менее 2 % ВВП, ст. 21), научные исследования (не менее 1 % ВВП, ст. 23).

И все же большинство конституционных актов тяготеют к структурной и содержательной простоте, что не отрицает использования высокого стиля, обращения к религиозным ценностям, историческому опыту, к символам и предметам национальной гордости. Наиболее распространенным является обращение к Святой Троице в конституциях христианских государств и к имени Аллаха в государствах ислама.

Если Конституция Греции 1975 года лишь кратко посвящает свое принятие «Во имя Святой, Единосущной и Нераздельной Троицы», то Конституция Ирландии 1937 года содержит развернутое обращение:

«Во имя Пресвятой Троицы, от которой и сходят все власти и к которой как к нашей последней надежде должны быть направлены все действия человека и Государства, Мы, народ

Эйре, смиренно признавая все наши обязанности перед нашим Священным Господином Иисусом Христом, который поддерживал наших отцов в столетиях испытаний...»

Правда, и греческая Конституция еще раз отсылает к Святой Троице, указывая ее в тексте присяги при вступлении в должность президента Республики:

«Клянусь именем Святой, единосущной и нераздельной Троицы соблюдать Конституцию и законы, обеспечивать их точное соблюдение, защищать национальную независимость и территориальную целостность Родины, защищать права и свободы греков и служить общим интересам и прогрессу греческого народа».

Конституции ряда мусульманских государств содержат категории «гордость араб-исламским наследием» (ст. 8 Конституции Катара), «исламская социальная справедливость» (ст. 7 Конституции Йемена), а целью образования Египетская конституция объявляет «построение египетского характера» и «поддержание национальной идентичности» (ст. 19) и содержит такое определение Египта: «часть арабской нации, и он укрепляет ее интеграцию и единство. Он является частью мусульманского мира, принадлежит к африканскому континенту, гордится азиатскими размерами и делает вклад в развитие человеческой цивилизации» (статья 1 Конституции Египта (Природа республики).

«Основы системы власти» Саудовской Аравии 1992 года определяют:

«Королевство Саудовская Аравия – суверенное арабское государство. Его религия – ислам, конституция – книга Всевышнего Аллаха и сунна его Пророка, да благословит его Аллах».

Во имя Аллаха приносят присягу главы государств, члены кабинетов министров, парламентарии (Конституции Алжира, Египта, Сирии, Ирака, других арабских стран).

Интересное обращение к истокам демонстрирует Конституция Монголии: в целом не отличающаяся национальным колоритом в изложении и конструкции, в своей последней (70-й) статье приводит весьма оригинальное изложение даты ее вступления в силу, сделанное на основе рекомендаций ламаистских астрологов [9, с. 184]:

«с 12 часов дня 12 февраля 1992 года или в час Лошади благословенного дня Желтой Лошади, отмеченного узлами молодости, девятого дня первого весеннего месяца Черного Барса (Тигра) года Водной Обезьяны семнадцатого шестидесятилетия».

Не без некоторого сожаления приходится признать, что принцип универсализации конституционно-правовых текстов делает исполь-

We, the people of Éire,

Humbly acknowledging all our obligations to our Divine Lord, Jesus Christ, Who sustained our fathers through centuries of trial...»

As a matter of fact, the Greek Constitution has yet another reference to the Holy Trinity, mentioning it in the text of the President's oath of office,

“I do swear in the name of the Holy and substantial and Indivisible Trinity to safeguard the Constitution and the laws, to care for the faithful observance thereof, to defend the national independence and territorial integrity of the Country, to protect the rights and liberties of the Greeks and to serve the general interest and the progress of the Greek People”.

Constitutions of some Muslim countries use categories such as “pride of Arabic and Islamic heritage” (Article 8, Constitution of Qatar), or “Islamic social justice” (Article 7, Constitution of Yemen), while the Egyptian Constitution reads that the purpose of education is to “build the Egyptian character” and “maintain national identity” (Article 19), and defines Egypt as follows: “Egypt is part of the Arab nation and enhances its integration and unity. It is part of the Muslim world, belongs to the African continent, is proud of its Asian dimension, and contributes to building human civilization”. (Article 1 “Nature of the Republic”, Constitution of Egypt).

The 1992 Basic Law of Government (Constitution) of Saudi Arabia reads the following,

“The Kingdom of Saudi Arabia is a sovereign Arab Islamic state with Islam as its religion; God's Book and the Sunnah of His Prophet, God's prayers and peace be upon him...”

The oath of office is taken “in the name of God” by heads of state, cabinet members and parliament members (constitutions of Algeria, Egypt, Syria, Iraq, and other Arab states).

An interesting example of going to the roots is set by the Constitution of Mongolia. Demonstrating not too much of the national color in terms of wording and structure, in its last article (Article 70) this document specifies its effective date, which is chosen based on recommendations of Lamaism astrologists [9, p. 184]:

“The Constitution of Mongolia shall enter into force at 12.00 hours on the 12th of February of 1992, or at the hour of Horse on the prime and benevolent ninth day of Yellow Horse of the first spring month of Black Tiger of the year of water Monkey of the Seventeenth 60-year Cycle”.

Regretfully, the trend of universalization of constitutional texts is making the use of such

They also introduced a provision saying that the state has the right to deprive proprietors of their property according to the law, including nationalization of land, public resources and means of production, if necessary “for the public wealth” (Article 15).

It is these four blocks of social interactions (sovereignty, property, liberty, and power) that should be established by a supreme law. Inclusion of any other provisions should be considered constitutional redundancy.

Numerous and frequent exceptions to this rule are either justified by the importance of certain questions for the country's nationhood or economy (e.g., taking into account special importance of the Nile and Suez Canal for the Egyptian economy, the 2014 Constitution of Egypt contains articles devoted to the protection of these natural and engineering objects), or considered as curiosities of history (for example, the 1999 Constitution of Switzerland introduces special taxation of carburetor engines, and details (in Swiss Francs) the rates of the one-time tax to be paid by owners of heavy goods vehicles over 3.5 tons (Article 196, Chapter 2 “Transitional Provisions”); the 1988 Constitution of Brazil establishes the procedure for sale of liquid and gas fuels (Paragraph 7, Article 34, Transitional Constitutional Provisions Act). Quite often, constitutional redundancy is caused by good intentions, like in the case of the 2014 Constitution of Egypt – in order to guarantee financial support for the social sphere development, it introduces targets for government expenditures on healthcare (at least 3% of the GDP, Article 18), education (at least 4% of the GDP, Article 19), higher education (at least 2% of the GDP, Article 21), and R&D (at least 1% of the GDP, Article 23).

Yet most of the constitutional acts tend to demonstrate simplicity in terms of both structure and content, which does not rule out the use of lofty language, reference to religious values, historical experience, symbols and marks of national pride. Most spread are references to the Holy Trinity in constitutions of Christian states, and the “name of God” in those of Islamic states.

While the 1975 Constitution of Greece limits itself to the dedication “In the name of the Holy and Con-Substantial and Indivisible Trinity”, the 1937 Constitution of Ireland contains a full-fledged invocation,

“In the Name of the Most Holy Trinity, from Whom is all authority and to Whom, as our final end, all actions both of men and States must be referred,

зование подобных национальных орнаментов довольно редким явлением. Определенный оптимизм вселяет анализ новейших конституций. Конституционные акты различных государств XXI века демонстрируют все большее внимание к национальным особенностям, их тексты наполняются яркими метафорами и труднопереводимыми символами. Но даже в этом тренде выделяется Конституция Египта 2014 года, утверждающая в своей преамбуле:

«Египет – это дар Нила¹ и дар египтян человечеству.

Одаренная уникальным местоположением и историей, арабская нация Египта является сердцем всего мира. Это точка пересечения цивилизаций и культур и пересечение морского транспорта и коммуникаций. Это окончательность Африки в Средиземноморье и устье самой великой реки Нил.

Это Египет, бессмертная родина египтян и послание мира и любви всем народам.

В начале истории, наступил рассвет человеческого сознания и просиял сердца наших великих предков, объединяя их благие намерения для построения первого центрального государства, которое регулировало и организовывало жизнь египтян на берегах Нила. Именно здесь они создали самые невероятные чудеса цивилизации, именно здесь их сердца обращались к небесам до того, как мир узнал три богооткровенные религии.

Египет – это колыбель религий и знамя процветания богооткровенных религий. На его земле росли храмы, возник свет Господа, и послание спустилось на горе Синай.

На его земле египтяне встретили Девственницу Марию и ее ребенка и принесли в жертву тысячи мучеников в защите Церкви Иисуса. Когда Печать Пророка Мухаммеда (да пребудет с Ним Мир и Благословение) была отправлена всему человечеству для улучшения морали, наши сердца и умы были открыты свету Ислама. Мы были лучшими солдатами на земле в борьбе за дела Господа, и мы распространяли послание истины и религиозные науки во всем мире».

Критерии анализа феномена

«конституционный дизайн»:

эмпирические и эстетические правила

Конституционный дизайн невозможно определить как некий универсальный для всех ситуаций и стран набор принципов, технологий или как типовую конституционную архитектуру, которые можно выработать, установить, а

¹ Утверждая «Египет – дар Нила», Конституция Египта повторяет классическое определение историка Геродота Галикарнасского, жившего в V веке до н. э.

затем механически применять. Однако многие исследователи все же выделяют некоторые фундаментальные принципы, в соответствии с которыми должен осуществляться конституционный дизайн. Суммирование идей ведущих авторов, исследовавших категорию «конституционный дизайн», позволяет выделить некий перечень критериев к анализу данного феномена:

1. Прежде всего важно отметить, что «речь идет не о страноведческих моделях..., не о классификациях с точки зрения структуры, порядка принятия и изменения конституции, не юридических признаков, а о более широком и сущностном подходе... Конституционная модель характеризует определенный социально-политический подход к объекту, содержанию и способам конституционного регулирования общественных отношений, к использованию в этих целях тех или иных конституционно-правовых институтов» [44, с. 16].

2. Конституционный дизайн представляется способом формирования системы связей между политическими взглядами, идеями, сложившейся в обществе политической культурой, государственными и социальными институтами. Даже минималистские концепции демократии, по утверждению Адама Пржеворски, не устраняют необходимость думать о институциональном дизайне [68, pp. 12–17].

Ключевые вопросы конституционного дизайна: действительно ли конституции имеют значение для перспективного развития, а также имеют ли индивиды реальную возможность улучшить свое положение, согласившись на определенный набор правил? [52, p. 104]. На эти вопросы, сформулированные К. Л. Догерти и Дж. Эдвардом, находим ответ в работе Р. Конглтона и Бр. Сведенборг: конституционный дизайн потенциально способен значительно улучшить демократическое управление государством за счет создания и совершенствования равновесных стратегий согласования полномочий и статусов выборных должностных лиц с долгосрочной политикой, соответствующей и интересам избирателей [50, pp. 1–40]. Схожую версию дает Дональд С. Лютц, согласно которому, конституционный дизайн требует особого внимания к структуре публичных интересов и характеру групп населения по интересам, а также учета возможных последствий конституционного дизайна для будущих поколений [66, p. 206].

3. Конституционный дизайн обуславливается политическими и культурными ценностями государства и общества. Согласно Р. Симеону, он представляет собой процесс и результат формирования и структурирования институтов и норм таким образом, который обеспечивает

national ornaments a very rare phenomenon. Some optimism is encouraged by the analysis of the most recent constitutions. Constitutions of the 21st century display more attention to national identities; their texts are enriched with colorful metaphors and symbols that may be difficult to translate into other languages. Even in the context of this trend, the 2014 Constitution of Egypt differentiates itself proclaiming in its Preamble:

“Egypt is the gift of the Nile¹ for Egyptians and the gift of Egyptians to humanity.

With its unique location and history, Egypt is the Arab heart of the world. It is the meeting point of world civilizations and cultures and the crossroads of its maritime transportation and communications. It is the head of Africa on the Mediterranean and the estuary of its greatest river: the Nile.

This is Egypt, an immortal homeland for Egyptians, and a message of peace and love to all peoples.

In the outset of history, the dawn of human conscience arose and shone forth in the hearts of our great ancestors, whose goodwill banded together to found the first central State that regulated and organized the life of Egyptians on the banks of the Nile. It is where they created amazing wonders of civilization, and where their hearts looked up to heavens before earth knew the three Abrahamic religions.

Egypt is the cradle of belief and the banner of glory of the revealed religions.

On its land, Prophet Moses – to whom Allah spoke – grew up and on Mount Sinai, the Revelation of Allah shone on his heart and Divine message descended. On its land, Egyptians harbored in their bosoms Virgin Mary and her baby and offered thousands of martyrs in defense of the Church of Jesus, Peace Be Upon Him. When the Seal of the Messengers Mohammad (Peace and Blessings Be Upon Him) was sent to all mankind to perfect the sublime morals, our hearts and minds were opened to the light of Islam, and we, labeled the best soldiers on Earth fighting for the cause of Allah, disseminated the message of truth and sciences of religion across the world.”

Criteria for Constitutional Design Analysis – Empiric and Aesthetic Rules

Constitutional design cannot be selected on a “one size fits all” basis – it is not possible to address all the possible situations or meet the re-

¹ Stating that “*Egypt is a gift of the Nile*”, the Constitution of Egypt echoes the classical definition by the historian Herodotus of Halicarnassus, who lived in the 5th century BC.

quirements of different countries with the same set of principles or technologies. Neither can it be defined as a model constitutional architecture that, once developed, can be used on a plug-and-play basis. Nevertheless, many researchers name several fundamental principles to be followed in designing a constitution. We have summarized the ideas of leading authors studying constitutional design, which helped us to come up with a list of criteria for the analysis of this phenomenon:

1. First of all, it should be underscored that “it is not about models used in country studies ..., or classification based on constitutional structure, methods of adoption or amendment, or legal properties of a constitution. It is about a broader and more essential approach... Constitutional model characterizes a certain social and political approach to the subject, content and methods of constitutional regulation of social interactions, as well as to the use for this purpose of various constitutional and legal institutions” [44, p. 16].

2. Constitutional design is deemed to be a way to establish a system of linkages between political views, ideas, political culture of the society, government and social institutions. According to Adam Przeworski, even minimalistic concepts of democracy do not remove the need to think about institutional design [68, pp. 12–17].

The key questions to be addressed by constitutional design are as follows: Is it true that constitutions are crucial for future development, and that individuals really can make their life better by agreeing to follow a certain set of rules? [52, p. 104]. These questions posed by K. L. Dougherty and J. Edward are answered by R. D. Congleton and B.P. Swedenborg: constitutional designs can potentially improve democratic governance by better aligning the equilibrium strategies of elected officials with the shared long-term policy interests of the electorate [50, pp. 1–40]. A similar answer is suggested by Donald S. Lutz, according to whom constitutional design requires special attention to the structure of public interests and character of citizens’ interest groups, as well as consideration of its implications for future generations [66, p. 206].

3.) Constitutional design is determined by political and cultural values of the state and society. According to R. Simeon, it is the process and outcome of establishment and structuring of institutions and norms in a way that promotes and facilitates management of specific values and restrains

стимулирование поддержки и содействия управлению определенными ценностями, а также ограничивает поведение, способное их подрывать [72]. Аксиомой политики является положение, в соответствии с которым народ никогда не должен разрешать своим правителям делать что-либо, что может работать в дальнейшем во вред народу. Данная аксиома также является принципом конституционного дизайна, согласно которому при разработке конституции должна быть исключена даже сама возможность злоупотребления властью¹.

4. Конституционный дизайн всегда результат обсуждения и анализа вопроса: какие задачи и какие функции государства и его институты выполнять наилучшим образом, что является именно их прерогативами, а что может быть отнесено к полномочиям структур гражданского общества, бизнеса, капитала. Также исключительно важно для понимания конституционного дизайна определение процедур наделения функциями и полномочиями тех или иных государственных институтов.

Джеймс М. Бьюкенен и Гордон Таллок обосновывают, что конституционный дизайн является своего рода итогом сопоставления затрат государства и частного сектора в отношении широкого спектра различной деятельности для определения того, какие именно виды деятельности из этого широкого спектра должны быть поручены конституцией государству [49].

5. Важным принципом конституционного дизайна является требование, согласно которому конституция должна быть написана теми, кто будет жить в соответствии с ее положениями, а не какой-либо внешней группой экспертов, а также должна быть одобрена людьми, которым предстоит жить в соответствии с ее положениями, а не философами и мыслителями. К принципам конституционного дизайна также относится то, что при создании институтов осуществления народного суверенитета вовсе нет необходимости стремиться к достижению самого лучшего результата, который только возможен при конкретных обстоятельствах, поскольку идеальная политическая система все равно не сможет функционировать на Земле и стремление к ее достижению может породить только фанатизм, а не правосудие [66, p. 186].

6. И все-таки основным в теории конституционного дизайна становится разработка конструкции институтов, способствующих достижению целей общественного благосостояния. Подобный подход отстаивает Жан-Жак Лаффон

[20], в трудах которого конституционный дизайн предстает как процесс оптимизации процесса этого пути к общественному благосостоянию. В то же время институты, обеспечивающие продвижение общества по этому пути, – различные органы публичного управления могут быть сформированы только и исключительно в ходе избирательных процедур [63, pp. 649–669].

Отсюда – особое внимание при разработке принципов конституционного дизайна к процедурам формирования органов государственной власти и к правилам их функционирования (например, правил голосования, проведения выборов, регламентам, традициям, обычаям и обычновениям).

В то же время можно согласиться с констатацией, что объективно существует крайне малое количество, если вообще существует, установленных эмпирических правил конституционного дизайна [72, pp. 241–261]. Некий перечень юридико-технических правил конституционного дизайна предлагают Марианна Клочко и Питер Ордешук:

– первое правило заключается в том, что конституционные положения в идеале должны являться частью социального консенсуса, а также быть простыми и краткими, не обремененными излишней юридической сложностью;

– второе правило предполагает, что конституция в любом случае должна внести как можно меньше изменений в демократические традиции общества;

– третье правило гласит, что конституции должны быть направлены на установление тех институтов и прав, которые минимально необходимы для обеспечения способности общества к координации политических целей, определенных посредством таких механизмов, как демократические выборы. Иными словами, использование конституции в качестве средства социальной инженерии может угрожать ее роли средства политического координирования;

– наконец, последнее правило предполагает, что процессы разработки текста конституции и ее утверждения должны быть отделены друг от друга; подготовка самого документа в первичном варианте должна происходить вне поля зрения общественности, в то время как к его последующему утверждению должна быть привлечена как можно большая часть общества².

Технико-юридическое требование о четкости и простоте конституционных положений обусловлено одним из базовых признаков конституции как основного закона – признаком

behaviors that can undermine them [72, pp. 241–261]. An “axiom in politics” is the proposition according to which the people should never authorize their rulers to do any thing which, if done, would operate to their injury. This axiom is also a “precautionary master principle of constitutional design aiming to preclude even the possibility that constitutional power would be abused”¹.

4. Constitutional design always results from discussion and analyses of the following questions: Which tasks and functions do the state and its institutions perform best of all? What are their prerogative powers? What can be devolved to the entities of the civil society, business, or finance? The procedure of vesting power and functions in specific state institutions is also very important for understanding of the concept of constitutional design.

J. M. Buchanan and G. Tullock suggest, that constitutional design is a kind of comparison of public and private spending on a wide range of activities performed in order to identify within this wide range those activities, which should be constitutionally assigned to the state [49].

5. An important principle of constitutional design is the requirement that a constitution should be written by those people who will have to live in accordance with its provisions, rather than a team of third-party experts. Similarly, it should be approved by those who will have to live according to it, rather than philosophers and thinkers. Another principle of constitutional design dictates that in implementing institutions of popular sovereignty one should not strive for the best result which is possible in given circumstances, since such an ideal political system will not be able to work on the Earth, and any attempt to build it will only give rise to fanaticism, rather than justice [66, p. 186].

6. However, the core of the constitutional design theory is in the development of an institutional framework conducive to attainment of social welfare goals. One of the proponents of this approach is Jean-Jacques Laffont [20], who describes constitutional design as “*optimization of expected social welfare*”, and suggests that the institutions which ensure the movement of the society towards these

goals, various state government bodies can be formed only and exclusively on an electoral basis [63, pp. 649–669].

Therefore, in developing principles of constitutional design special attention should be paid to the procedures based on which the bodies of state power are created, and to the rules they are expected to follow (e.g., rules of voting and conduct of elections, regulations, traditions, customs, and practices).

At the same time, we can agree that there are very few empirically established rules of constitutional design [72, pp. 241–261]. A list of legal and technical rules of constitutional design was developed by Marianna Klochko and Peter Ordeshook:

– Rule 1 says that ideally constitutional provisions ought to reflect social consensus, while being “simple and concise, unencumbered by legalistic complexity.”

– According to Rule 2, “any constitution ought to make as few changes in those [democratic] traditions as possible.”

– Rule 3 says that “Constitutions should focus on the design of those institutions and rights minimally necessary to ensure society’s ability to coordinate to those policy goals identified through such mechanisms as democratic elections.” In other words, the use of a constitution as a tool of social engineering may undermine its role as a tool of political coordination.

– Finally, Rule 5, which is the last one on the list, says that “the writing and ratification process of a constitution should be separate enterprises. The preparation of the document should occur outside of public view, while its subsequent ratification should involve as broad a segment of society as possible.”²

The requirement to keep constitutional provisions “simple and concise” is explained by one of the basic attributes of constitution as a supreme law – its sustainability. The sustainability of constitution is not ensured by internal safeguards incorporated in its text, such as complexity of reviewing, amendment, or revision procedures. It is ensured by the fact that at a very early stage of design only

¹ URL: <http://jla.oxfordjournals.org/content/early/2012/05/22/jla.las003.full.pdf> (дата обращения: 02.04.2018).

² URL: <http://www.uh.edu/~pgregory/conf/Law.PDF> (дата обращения: 02.04.2018).

¹ Vermeule A. Precautionary principles in constitutional law. Available at: <http://jla.oxfordjournals.org/content/early/2012/05/22/jla.las003.full.pdf> (accessed 02.04.2018).

² Klochko M., Ordeshook P. C. Toward a General Theory of Constitutional Design. *The 2nd joint conference “Initial conditions and the transition economy in Russia: the weight of the past in comparative perspective”*. Houston, 2001. Available at: <http://www.uh.edu/~pgregory/conf/Law.PDF> (accessed 02.04.2018).

стабильности конституций. Стабильность конституций прежде всего обеспечивается не средствами внутренней (установленными в самом тексте) защиты – сложностью процедур внесения изменений и дополнений в текст, пересмотра конституции, а тем, что в нее изначально следует включать только те концепции, институты, доктрины, положения, в отношении которых в обществе если и не достигнут консенсус, то хотя бы имеется принципиальное согласие ведущих политических и общественных сил. Желательно, чтобы эти согласованные положения были максимально четко понимаемыми.

Как показывает история государственного (конституционного) права, есть некие положения, которые определяются раз и навсегда и не подлежат пересмотру. Подобные положения не могут быть изменены даже по желанию и волеизъявлению народа. Кстати, аналогичным образом закрепляется в Конституции Греции особый статус Греческой православной церкви, который также не подлежит обсуждению и изменению.

В ФРГ не подлежат пересмотру федеративный принцип устройства государства, принципы сотрудничества земель в области законодательства, а также такие основополагающие принципы, как защита достоинства человека, неприкосновенность и неотчуждаемость прав человека, демократический и социальный характер государства, народовластие, право на сопротивление всякому, кто попытается изменить конституционный строй, если иные средства не могут быть использованы. Аналогичные подходы используются и в других странах. Например, во Франции и Италии не подлежат пересмотру положения о республиканской форме правления, а в Греции – нормы, определяющие основы и форму правления государства как парламентарной республики, а также такие принципы, как уважение и защита личности, равенство перед законом, свобода личности, свобода совести, разделение властей.

При этом требование стабильности (содержательной устойчивости), в том числе и прежде всего в закреплении политической системы общества, конституции, вступает в естественное противоречие с динамизмом современной жизни. Иосиф Бродский в своей Нобелевской лекции 1986 года обозначил проблему исключительно ярко:

«Политическая система, форма общественного устройства, как всякая система вообще, есть, по определению, форма прошедшего времени, пытающаяся навязать себя настоящему (а зачастую и будущему)... Философия государства, его этика, не говоря о его эстетике, – всегда “вчера»» [4, т. 2, с. 453].

Эстетика Конституции – это вопрос ее гармонии с обществом и политическим режимом в различные эпохи действия. Озадачимся вопросом: можно ли, признавая «вчерашность» любой закреплённой в конституции эстетики государства, стремиться к подобной гармонии или лучше признать и смириться с подобным отставанием? Ведущие государствоведы решают этот вопрос по-разному: А. А. Мишин соглашается, что «это, конечно, художественное, но довольно точное определение того бесспорного факта, что даже самая лучшая для условий своего времени конституционная система может начать сдерживать прогресс и мешать развитию общества, если в ней не заложена возможность изменения и приспособления к новым экономическим, политическим и иным условиям» [25, с. 49].

Утешающим фактором выступает отсутствие детерминированности политического режима конституционными нормами, четко отмеченное французским социологом М. Дюверже: «Любая конституция рисует не одну, а множество схем правления, построение которых зависит от расстановки сил в данный момент. Различные политические режимы могут... функционировать в одних и тех же юридических рамках» [53, р. 10]. Действительно, четвертьвековой опыт действия Конституции Российской Федерации 1993 года вообрал в себя различные политические режимы, в рамках которых функционировали весьма отличающиеся друг от друга модели президентской власти, были апробированы все допустимые конституцией принципы «формирования» Совета Федерации ФС РФ, различные модели построения системы органов исполнительной власти и т. д. Опыт новейшей истории России конца 1990-х годов знает примеры, когда изменения системы осуществления государственной власти, конкретная модель «системы разделения властей» определялись различными факторами, среди которых влияние той или иной группы «олигархов», информированность, а то и состояние здоровья главы государства.

Как отмечает В. А. Мау, «авторитаризм российской Конституции весьма условен. Президент имеет в ней очень сильные позиции, но не является постоянно необходимым активным фактором политической, а тем более экономической жизни. Президент может быть активным, но не обязательно должен быть таким» [22, с. 301]. Конституция не просто дает необходимую гибкость политическому режиму, более того, в рамках неизменности текста Конституции вполне можно проектировать различные по дизайну перспективы развития институтов парламентаризма, органов исполнительной власти, судебной системы.

those concepts, institutions, doctrines and provisions are included about which there is general agreement (if not consensus) of leading political and social actors. It is desirable that such agreed upon provisions be as understandable as possible.

As we know from the history of the state (constitutional) law, there are provisions that are set forth once and for all not being subject to any revision. Such provisions cannot be changed even if there is people's will to do so. By the way, it is in this way that the Constitution of Greece enshrines the special status of the Greek Orthodox Church, which is also undisputable and not subject to revision.

In the Federal Republic of Germany not subject to change are: the federal form of government, principles of collaboration of lands in the area of legislation, as well as a number of fundamental principles, such as protection of human dignity, inviolability and undeniability of human rights, democratic and social character of state, sovereignty of the people, right to [physically] resist anybody who attempts to change the constitutional order, if no other means are available. Similar approaches are used by other countries. For example, in France and Italy not subject to revision are the provisions on the republican form of government, while in Greece undisputable are the articles that establish the country's form of government as parliamentary republic, as well as key principles, such as respect for and protection of the individual, equality before the law, personal freedom, freedom of religion, and division of powers.

The requirement of stability (sustainability of content), including the provisions that define the political system, comes into a natural collision with the dynamism of modern life. Joseph Brodsky in his 1986 Nobel Lecture highlighted this problem in the following brilliant manner:

“Political system, structure of the society, like any other system, is by definition a past tense form, which is trying to foist itself on the present (and quite often on the future) ... Philosophy of the state, its ethics, let alone its aesthetics, always belong to yesterday” [4, v. 2, p. 453].

Aesthetics of a constitution is the question of its harmony with the society and political system in different periods of its operation. The question is, if

it is really possible to strive for such harmony, while accepting the “yesterday's” character of any state aesthetics enshrined in the constitution, or it would be more prudent to admit such lagging behind and put up with it. The answers to this question offered by leading political scientists vary. A. A. Mishin says, “Albeit formulated by an artist, it is a rather accurate description of the uncontested fact that any constitutional system, even the best for its time, may suddenly start retarding progress and hindering the development of society, if it is unable to change and adapt to new economic, political and other conditions.” [25, p. 49]

Consoling is that constitutional provisions do not determine the political regime, which is pointed out by French social scientist M. Duverger, “Any constitution draws more than one government structure, and the choice of structure depends on the current alignment of forces. Different political regimes can... function in the same legal framework” [53, p. 10]. Indeed, during the 25 years of existence of its 1993 Constitution, Russia has seen different political regimes with very different models of presidential rule, tested all constitutionally allowable principles of “forming” of the Council of Federation of the Federal Assembly of the RF, different approaches to building a system of executive power, etc. The new history of Russia of the late 1990s knows examples of government system and models of division of power being changed due to various factors, including influence of a certain oligarch group, awareness or even health condition of the head of state, etc.

According to V. A. Mau, “The authoritarian character of the Russian Constitution is quite formal. Although it vests sweeping powers in the President, the President is not always an inherent active factor of political, let alone economic, life. The President can but does not have to be active.” [22, p. 301]. Constitutions do not only grant the necessary flexibility to the political system – the same constitutional text can be used as a basis to design various development paths for institutions of parliamentarism, bodies of executive power, and judicial system.

Обосновывая значение конституционного дизайна для государства и общества, Т. Гинсбург полагает, что «хорошие дизайны (конструкции) могут облегчить демократию и приручить религиозных радикалов; они могут улучшать административный оборот и способствовать адаптации к новым обстоятельствам посредством конституционных поправок. Плохие дизайны (конструкции), с другой стороны, могут усугубить межобщинные конфликты и увековечить несправедливые условия для женщин, они могут блокировать переход к лучшим институтам и они могут закупорить каналы восстановления интересов граждан через суды» [73, p. 10].

В то же время подобная «художественно-декоративная» трактовка конституционного дизайна вступает в соприкосновение и некоторое противоречие с институциональным взглядом на этот феномен, согласно которому «конституционный дизайн является способом образования связей между политическими идеями, политической культурой, а также институциональным развитием, в наиболее практических целях» [54, p. 23]. Видимое противоречие представляется вполне диалектичным, позволяет рассматривать конституционный дизайн в двух взаимодополняющих ипостасях:

1) как систему политико-правовых доктрин, конституционных и институциональных моделей, различных вариантов структурирования схемы разделения властей, государственного устройства, политических режимов. По сути, речь идет о конституционном дизайне как содержательной категории, наборе существенных для данного государства и данного общества явлений;

2) как архитектуру, конструкцию основного закона, исторически сложившуюся или избранную специально форму представления конституционно-правовой материи, ее выражения в нормативных актах. Здесь же иллюстрирующие эту конституционно-правовую материю образы и символы, избранные стиль и форма подачи конституционного материала. При этом не следует умалять значения формы не только как средства выражения содержания, но и как самоценности.

Несомненно, современный демократический конституционный дизайн претерпел значительные изменения. Внимательный сравнительно-правовой анализ современных конституций различных стран позволяет выявить много интересного: и существенные различия в концептах построения конституций – конституционный дизайн и, напротив, заимствования проектировщиками конституций тех или иных подхо-

дов и даже формулировок – миграцию конституционных идей. Но недопустимо превращать процесс создания конституций в субботнюю поездку на склад компании IKEA.

Обращение к понятию «конституционный дизайн» и его производным приводит к философским размышлениям о том, что значит «быть» и «казаться» в конституционно-правовом смысле, к восприятию конструктивной правовой красоты закона и его отражения в зеркале реальной жизни. Четкие красивые юридические конструкции могут искажаться до уродливости в ходе правоприменительной практики. Но, как и применительно к другим человеческим феноменам, характеристика красоты конституционных моделей и конструкций не может быть сведена к некоему универсальному стандарту. Нет и не может быть некоей идеальной типовой формы для закрепления конституционно-правовой материи, так как конституционный дизайн призван отразить исторический опыт народа, охарактеризовать современное состояние государства и представить видение его будущего.

Послесловие:

о конституционном дизайне без метафор

На 14-м венецианском биеннале архитектуры в 2014 году Австрия представила экспозицию-размышление «Пленум – места власти» о том, как экстерьер парламентов влияет на общество и наоборот. На белоснежных стенах были представлены 200 белоснежных макетов зданий парламентов в масштабе 1:500. Анализ зависимости степени демократичности политического режима от обустройства парламентов строители оставляли на усмотрение посетителей. А в 2016 году партнеры архитектурного бюро XML из Амстердама Давид Мюлдер ван дер Вегт (David Mulder van der Vegt) и Макс Коэн де Лара (Max Cohen de Lara) опубликовали книгу под названием «Парламент»¹, посвященную раскрытию взаимосвязи архитектуры залов заседаний парламентов разных стран мира и политического процесса в этих странах. В ходе исследования авторы вывели феномен «архитектурной ДНК» и пришли к выводу, что форма зала достаточно полно отражает суть политического режима страны. Они поделили все залы заседаний на пять категорий по способу организации пространства: «круг», «полукруг», «подкова», «противостоящие скамьи» и «школьный класс»².

¹ См.: URL: <http://www.parliamentbook.com> (дата обращения: 10.04.2018).

² Как архитектура отражает политический режим: масштабный анализ парламентских залов заседаний. URL: <https://archi.ru/news/71048> (дата обращения: 10.04.2018).

Substantiating the importance of constitutional design for the state and society, Tom Ginsburg suggests that “good designs can facilitate democracy and tame religious radicals; they can encourage executive turnover and promote responsive adjustment to new circumstances through constitutional amendments. Bad designs, on the other hand, can exacerbate intercommunal conflict and perpetuate unjust outcomes for women; they can block transitions to superior institutions; and they can clog channels of citizen redress through the courts” [73, p. 10].

At the same time, this “art-deco” approach to the interpretation of constitutional design comes into contact and even collision with the institutional view of this phenomenon, which implies that “Constitutional design is the way in which connections are made between political ideas, political culture, and institutional development for the most practical purposes.” [54, p. 23] This visible contradiction appears quite dialectic and allows viewing constitutional design from two mutually supplementary perspectives:

1) As a system of political and legal doctrines, constitutional and institutional models, varying schemes of division of power, structures of government and political regimes. In fact, from this perspective, constitutional design is seen as a conceptual category, set of phenomena essential for a particular state and society.

2) As an architecture or structure of a supreme law, traditional or tailored form of presentation of the constitutional and legal matter, its description in legal documents. This includes the images and symbols that illustrate such constitutional and legal matter, selected style and narrative form of constitutional content. At the same time, one should not understate the importance of form not only as a way to present content but also as an inherent value.

No doubt, modern democratic constitutional design has undergone significant changes. Thorough comparison of modern constitutions reveals numerous interesting facts, including, on the one hand, major differences between constitutional concepts (designs) and, on the other hand, borrowing by constitution designers of various approaches and even formulas – i.e. migration of constitutional ideas. However, it is unacceptable to transform the

constitution making process into Saturday shopping at an IKEA store.

Reflecting on the notion of “constitutional design” and its derivatives, one ends up with philosophical musings on constitutional meanings of the verbs “to be” and “to seem”, perception of the constructive beauty of law and its reflection in the mirror of real life. Logical, beautiful legal structures may be distorted to the extent of ugliness in the course of enforcement. However, like with other phenomena of human life, the beauty of constitutional models and structures cannot be boiled down to a certain universal standard. No ideal template for constitutional and legal matter exists or can exist, since constitutional design is intended to reflect the people’s historical experience, characterize the current condition of the state, and introduce the vision of its future.

Afterword – On Constitutional Design without Metaphors

At Venice Architecture Biennale 2014, Austria exhibited “Plenum. Places of Power” – its reflections on the effect the exteriors of parliament buildings can have on society, and vice versa. About 200 snow-white 1:500 scale models of parliament buildings were displayed on snow-white walls. Analysis of interdependencies between the level of democracy of a political regime and the arrangement of parliament facilities was left by the hosts to the discretion of visitors. In 2016, David Mulder van der Vegt and Max Cohen de Lara, partners of Amsterdam-based XML architect firm, published a book entitled “Parliament”¹, in which they discuss linkages between the architecture of parliament chambers in different countries and the political process in those countries. As a result of their study, they identified the phenomenon of “architectural DNA” and came to the conclusion that the shape of the chamber is quite representative of the essence of the country’s political system. They distinguish five types of chamber interiors: “circle”, “semicircle”, “horseshoe”, “opposing benches”, and “classroom”².

¹ See: <http://www.parliamentbook.com/> (accessed 10.04.2018).

² How architecture reflects the political regime: a large-scale analysis of parliamentary halls. Available at: <https://archi.ru/news/71048/> (accessed 10.04.2018).

Предшественником вышеназванных архитекторов смело можно считать Сирила Н. Паркинсона:

«Все мы знаем, чем отличаются друг от друга английские и французские парламентские учреждения и соответственно учреждения, происходящие от них. Все мы видим, что разница эта никак не связана с национальным характером, но проистекает непосредственно от расположения мест... Главное в британской системе – расположение мест. Если бы скамьи не располагались с двух сторон зала, никак не отличил бы истину от лжи и мудрость от глупости... Во Франции сразу совершили ошибку, рассадив народ полукругом, лицом к председателю... При полукруглом расположении образуются тончайшие оттенки правизны и левизны. Нет и следа нашей четкой разницы между правдой и неправдой» [28, с. 28–29].

Нельзя исключать, что избрание французской палаты депутатов в качестве образца внутреннего устройства зала заседаний Государственной думы Российской империи в Таврическом дворце Санкт-Петербурга привело к схожим с французскими сложностям партийного строительства в дореволюционной России. Даже то, что «в зале заседаний на 560 мест каждому депутату предназначалось мягкое, обитое козьею кожей кресло с пюпитром из светлого дуба», а фирма «Ф. Мельцер и К» выполнила требования «не оснащать откидные столики углублениями для чернилниц: «А то будут ими бросаться!» [10; 29, с. 95–107], не спасло Государственную думу от критики со всех сторон за ее неспособность реализовать ни замысел тех, кто способствовал ее появлению и становлению, ни чаяния различных слоев общества, видевших в ней инструмент переустройства государства.

Дизайн созданного в 1933–1934 годах из двух залов XIX века – Андреевского и Александровского – зала заседаний Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР как нельзя ярко олицетворял отсутствие парламентских начал. Зал разделили на две неравные прямоугольные части: меньшая – для руководящего президиума, авторитет которого подтверждался стоявшей за ним в высокой белой нише мраморной версии В. И. Ленина; и большая – расположенные уровнем ниже шесть прямых отсеков с креслами для депутатов. Здесь нет места полутонам «левизны» или «правизны». Важно увидеть из президиума руку, которая вдруг не поднимется в единодушном голосовании «ЗА». Подобная форма в терминах голландских архитекторов получила название «школьный класс», учитель-президиум дает задания и спрашивает об их исполнении сидящих напротив него учеников-парламентариев.

«Прямоугольная» версия (справедливости ради, следует признать небольшую степень закругления) нашла свое отражение в дизайне зала заседаний Государственной Думы Российской Федерации при переоборудовании здания Госплана (Государственный плановый комитет Совета Министров СССР по адресу: улица Охотный ряд, д. 1) под парламентские нужды в 1994-м. Не исключено, что подобный конструктивный изъян и вызвал к жизни афоризм про парламент как «не место для дискуссий». Эксперты в области парламентского дизайна и архитектуры парламентаризма с интересом ожидают, как будет выглядеть зал заседаний Государственной Думы Российской Федерации после реконструкции 2018 года, предполагающей строительство купола над крышей парламента (трудно предсказать, будет ли это способствовать большей прозрачности работы депутатов) и полную перестройку зала заседаний по «форумному типу» с рассадкой депутатов «полукругом»¹.

Библиографический список

1. Анахин Т. В. Институциональный дизайн России: эволюция общественной системы и социальная трансформация // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 6. С. 129–133.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов; Ин-т лингв. исследований РАН. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
3. Борисов Н. А. Институциональный дизайн государств центральной Азии в процессе трансформации политических режимов: случаи Узбекистана и Кыргызстана // Политическая наука. 2014. № 1. С. 159–180.
4. Бродский И. Форма времени: в 2 т. Минск, 1992. 480 с.
5. Воеводин Л. Д., Златопольский Д. Л., Курциц Н. Я. Государственное право стран народной демократии. М., 1960. 631 с.
6. Глазычев Л. О дизайне. Очерки по теории и практике дизайна на Западе. М.: Искусство, 1970. 108 с.
7. Голосов Г. В. Лихтенштейн А. В. «Партии власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // Полис. 2001. № 1. С. 6–15.
8. Гудошников Л. М. и др. Государственное право стран народной демократии. М., 1961. 572 с.
9. Гуреева Н. П. Некоторые вопросы развития конституционализма в Монголии // Вест-

¹ Крышу Госдумы прикроют куполом. А депутатов рассадят полукругом // Коммерсантъ. 2018. 6 февр.

One of the predecessors of the abovementioned architects is Cyril N. Parkinson:

“WE ARE ALL familiar with the basic difference between English and French parliamentary institutions; copied respectively by such other assemblies as derive from each. We all realize that this main difference has nothing to do with national temperament, but stems from their seating plans... So the British instinct is to form two opposing teams, with referee and linesmen, and let them debate until they exhaust themselves. The House of Commons is so arranged that the individual Member is practically compelled to take one side or the other before he knows what the arguments are, or even (in some cases) before he knows the subject of the dispute... If the benches did not face each other, no one could tell truth from falsehood- wisdom from folly- unless indeed by listening to it all. But to listen to it all would be ridiculous, for half the speeches must of necessity be nonsense... In France the initial mistake was made of seating the representatives in a semicircle, all facing the chair. The resulting confusion could be imagined if it were not notorious. No real opposing teams could be formed and no one could tell (without listening) which argument was the more cogent... But the semicircular chamber allows of subtle distinctions between the various degrees of tightness and leftness. There is none of the clear-cut British distinction between rightness and wrongness...” [28, pp. 28–29].

It is entirely possible that the choice of the French Chamber of Deputies as a model for the chamber of the State Duma of the Russian Empire in St. Petersburg's Tavrishesky Palace lead to French-like complications in the party-building process of pre-revolutionary Russia. Despite the fact that “in a chamber seating 560 each deputy had a soft seat upholstered in goat skin with a reading easel from pale oak, and “F. Meltzer and Co.” had met the requirement not to make niches for inkpots in drop-leaf tables (Otherwise, they will throw inkpots at each other!)” [10; 29, pp. 95–107], the State Duma failed to escape criticism from all sides attracted by its inability to both give practical effect to the ideas of those who had facilitated its creation and development, and meet the aspirations of different strata of society that considered it to be a tool of state rebuilding.

The design of the chamber of the Supreme Council of the USSR and Supreme Council of the RSFSR, arranged in 1933–1934 by way of merging two 19th-century chambers – Andreevsky and Alexandrovsky, was illustrative of the total absence of any parliamentary founding. The chamber was divided into two unequal rectangular parts. The smaller part was designed for the Presidium, whose

authority was emphasized by a marble statue of Vladimir Lenin in a high white niche in the background, while the lower and bigger one consisted of six straight sections with deputies' seats. The chamber had no room for half-tones of “leftism” or “rightism”. It was important to make sure that the Presidium members would be able to see if any hand failed to be raised to join unanimous voting “IN THE AFFIRMATIVE”. In the terminology of Dutch architects, this arrangement is called “school-room” – Presidium members (teachers) give deputies (students) tasks and listen to their answers.

Rectangularity (albeit with slight curvatures) was used in the design of the chamber of the State Duma of the Russian Federation arranged in the former building of “Gosplan” (the State Planning Committee under the Council of Ministers of the USSR at 1, Okhotny Ryad, Moscow), when it was redesigned to meet parliamentary needs in 1994. Possibly, it is this flaw of design that gave rise to the aphorism “Parliament is not the place for discussions”. Experts in the area of parliamentary design and architecture of parliamentarism are looking forward to seeing the chamber of the State Duma of the Russian Federation after its renovation, which is to be completed in 2018. This project envisages making a transparent dome on top of the parliament building roof (hard to say if it is going to contribute to higher transparency of parliament members' activities), as well as full rearrangement of the chamber to enable semicircular seating of the deputies¹.

References

1. Anakhin T. V. *Institutsional'nyy dizayn Rossii: evolyutsiya obshchestvennoy sistemy i sotsial'naya transformatsiya* [Issues of Russia's Institutional Design: Evolution of Public System and Social Transformation]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* – The Buryat State University Bulletin. 2013. Issue 6. Pp. 129–133. (In Russ.).
2. *Bol'shoye tolkovyye slovar' russkogo yazyka* / Sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language; ed. by S. A. Kuznetsov]. Institute for Linguistic Studies, RAS. St. Petersburg, 2000. 1536 p. (In Russ.).
3. Borisov N. A. *Institutsional'nyy dizayn gosudarstv tsentral'noy Azii v protsesse transformatsii politicheskikh rezhimov: sluchai Uzbekistana i Kyrgyzstana* [Institutional Design of

¹ The roof of the State Duma will be domed. And the deputies will be seated in a semicircle. *The Kommersant Daily*. February 6, 2018.

- ник МГИМО-Университета. 2011. № 5. С. 182–188.
10. *Дневник* Смирновой-Сазоновой С. И. Январь-сентябрь 1906 г. / Рукописный отдел Ин-та русской литературы и искусства Российской академии наук. Ф. 285. Оп. 1. Д. 48.
 11. *Дурденевский В. Н.* Послевоенные конституции Запада. Л.: Гос. изд-во, 1924. Вып. 1. 136 с.
 12. *Егорова Т. В.* Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.
 13. *Ильинский И. П., Щетинин Б. В.* Государственное право стран народной демократии. М., 1964. 355 с.
 14. *Конституция* в XXI веке: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. В. Е. Чиркин. М.: Норма, 2011. 656 с.
 15. *Конституционное право социалистических стран.* М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1963. 327 с.
 16. *Краснов М. А.* Постсоветские государства: есть ли зависимость политического режима от конституционного дизайна? // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 2(99). С. 29–45.
 17. *Курицын В. М., Шалягин Д. Д.* Опыт становления конституционализма в США, Японии и Советской России. М.: Акад. Проект, Трикта, 2004. 496 с.
 18. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 25–43.
 19. *Лассаль Ф.* О сущности конституции. Речь, произнесенная в одном берлинском бюргерском окружном собрании в 1862 году. СПб., 1906. 64 с.
 20. *Лаффон Ж.-Ж.* Стимулы и политэкономия. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 311 с.
 21. *Макарцев А. А.* Всенародное обсуждение Конституции СССР 1936 года как этап легитимации сталинского законодательства // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2006. Т. 2, вып. 2. С. 28–38.
 22. *Мау В. А.* Экономика и власть: опыт посткоммунистической трансформации. Экономическая реформа: сквозь призму конституции и политики. М.: Изд. дом «Дело» РАН-ХиГС, 2017. 352 с.
 23. *Медушевский А. Н.* Как Сталину удалось обмануть Запад: принятие Конституции 1936 года с позиций политического пиара // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 122–138.
 24. *Медушевский А. Н.* Экспорт конституционализма: американская модель в Японии и Германии // Космополис. 2006. № 1. С. 134–147.
 25. *Мишин А. А.* Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М.: Статут, 2013. 520 с.
 26. *Мухаметов Р. С.* Региональный политический режим: институциональный дизайн (на примере Свердловской области) // Дискурс-Пи. 2015. № 1. С. 134–137.
 27. *Никонов В.* Конституционный дизайн // Современная российская политика: курс лекций. М., 2007. 418 с.
 28. *Паркинсон С. Н.* Законы Паркинсона: сб. / пер. с англ.; сост. и авт. предисл. В. С. Муравьев. М.: Прогресс, 1989. 448 с.
 29. *Патрикеева О. А.* Второе рождение Таврического: перестройка помещения дворца для работы Государственной думы Российской империи // Новейшая история России. 2016. № 2. С. 95–107.
 30. *Петрухина М. А.* Конституционный дизайн и консолидация демократии в странах третьей волны демократизации // Политическая наука. 2012. № 3. С. 214–247.
 31. *Погулич О. В.* Институциональный дизайн антикоррупционной политики в субъектах байкальского региона Российской Федерации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 2, № 2(62). С. 81–84.
 32. *Понкин И. В.* Гомеостаз системы государственного управления // Государственная служба. 2018. № 3. С. 18–22.
 33. *Популярная художественная энциклопедия* / под ред. В. М. Полевого. М.: Советская энцикл., 1986. 447 с.
 34. *Порошин А. В.* Влияние конституционного дизайна на устойчивость однопартийного доминирования // Вестник Пермского университета. Политология. 2017. Вып. 1. С. 87–97.
 35. *Ронин С. Л.* История разработки, утверждения и развития сталинской конституции. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 143 с.
 36. *Сапронова М. А.* Арабский Восток: власть и конституции. М.: Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Университет); Рос. Полит. Энцикл. (РОССПЭН), 2001. 216 с.
 37. *Словарь иностранных слов.* 18-е изд., стер. М.: Русский язык, 1989. 624 с.
 38. *Сравнительное конституционное право: учеб. пособие* / отв. ред. В. Е. Чиркин. М.: Междунар. отношения, 2002. 448 с.
 39. *Степанов Д. И.* Идеологическая нейтральность институтов конституционного дизайна в the Central Asian States in the Transformation Process of Political Regimes: the Cases of Uzbekistan and Kyrgyzstan]. *Politicheskaya nauka – Political Science.* 2014. Issue 1. Pp. 159–180. (In Russ.).
 4. *Brodsky I.* *Forma vremeni.* V 2 t. [The Shape of Time. In 2 vols.]. Minsk, 1992. 480 p. (In Russ.).
 5. *Voevodin L. D., Zlatopol'skiy D. L., Kuprits N. Ya.* *Gosudarstvennoe pravo stran narodnoy demokratiy* [Public Law of the Countries of People's Democracy]. Moscow, 1960. 631 p. (In Russ.).
 6. *Glazychev L.* *O dizayne. Ocherki po teorii i praktike dizayna na Zapade* [On Design. Essays on the Theory and Practice of Design in the West]. Moscow, 1970. 108 p. (In Russ.).
 7. *Golosov G. V., Liechtenstein A. V.* "Partii vlasti" i rossiyskiy institutsional'nyy dizayn: teoreticheskiy analiz [The "Parties of Power" and the Russian Institutional Design: Theoretical Analysis]. *Polis – Polis. Political Studies.* 2001. Issue 1. Pp. 6–15. (In Russ.).
 8. *Gudoshnikov L. M. et al.* *Gosudarstvennoe pravo stran narodnoy demokratiy* [Public Law of the Countries of People's Democracy]. Moscow, 1961. 572 p. (In Russ.).
 9. *Gureeva N. P.* *Nekotorye voprosy razvitiya konstitutsionalizma v Mongolii* [Some Questions of Constitutionalism-Development in Mongolia]. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations.* 2011. Issue 5. Pp. 182–188. (In Russ.).
 10. *Dnevnik Smirnovoy-Sazonovoy S. I. Yanvar' - sentyabr' 1906 g.* [Diary of S.I. Smirnova-Sazonova. January-September 1906]. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences. Fund 285. Inventory 1. File 48. (In Russ.).
 11. *Durdenevskiy V. N.* *Poslevoennye konstitutsii Zapada* [Post-War Constitutions of the West]. Leningrad. Issue 1. 1924. 136 p. (In Russ.).
 12. *Egorova T. V.* *Slovar' inostrannykh slov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of Foreign Words of the Modern Russian Language]. Moscow, 2014. 800 p. (In Russ.).
 13. *Il'inskiy I. P., Shchetinin B. V.* *Gosudarstvennoe pravo stran narodnoy demokratiy* [Public Law of the Countries of People's Democracy]. Moscow, 1964. 355 p. (In Russ.).
 14. *Konstitutsiya v XXI veke: sravnitel'no-pravovoe issledovanie;* отв. ред. В. Е. Чиркин [Constitution in the 21st Century: Comparative Legal Study; ed. by V. E. Chirkin]. Moscow, 2011. 656 p. (In Russ.).
 15. *Konstitutsionnoe pravo sotsialisticheskikh stran* [Constitutional Law of Socialist Countries]. Moscow, 1963. 327 p. (In Russ.).
 16. *Krasnov M. A.* *Postsovetskie gosudarstva: est' li zavisimost' politicheskogo rezhima ot konstitutsionnogo dizayna?* [Post-Soviet States: Does a Political Regime Depend on the Constitutional Design?]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review.* 2014. Issue 2(99). Pp. 29–45. (In Russ.).
 17. *Kuritsyn V. M., Shalyagin D. D.* *Opyt stanovleniya konstitutsionalizma v SShA, Yaponii i Sovetskoy Rossii* [Experience in the Formation of Constitutionalism in the United States of America, Japan and Soviet Russia]. Moscow, 2004. 496 p. (In Russ.).
 18. *Lakoff G., Johnson M.* *Metafori, kotorymi my zhivem:* Per. s angl.; pod red. i s predisl. A. N. Baranova [Metaphors We Live By; transl. from Eng.; ed. by A. N. Baranov]. Moscow, 2004. Pp. 25–43. (In Russ.).
 19. *Lassalle F.* *O sushchnosti konstitutsii. Rech', proiznesennaya v odnom berlinskom byurger-skom okruzhnom sobranii v 1862 godu* [On the Essence of the Constitution. Speech Delivered in a Berlin Burgher District Meeting in 1862]. St. Petersburg, 1906. 64 p. (In Russ.).
 20. *Laffont J.-J.* *Stimuly i politekonomiya* [Incentives and Political Economy]. Moscow, 2008. 311 p. (In Russ.).
 21. *Makartsev A. A.* *Vsenarodnoe obsuzhdenie projekta Konstitutsii SSSR 1936 goda kak etap legitimatsii stalinskogo zakonodatel'stva* [Public Discussion of the Draft Constitution of the USSR of 1936 as a Stage of Legitimation of Stalin Legislation]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Pravo" – Vestnik of Novosibirsk State University.* Series: Law. 2006. Vol. 2. Issue 2. Pp. 28–38. (In Russ.).
 22. *Mau V. A.* *Ekonomika i vlast': opyt postkommunisticheskoy transformatsii. Ekonomicheskaya reforma: skvoz' prizmu konstitutsii i politiki* [Economy and Power: the Experience of Post-Communist Transformation. Economic Reform: Through the Prism of the Constitution and Politics]. Moscow, 2017. 352 p. (In Russ.).
 23. *Medushevskiy A. N.* *Kak Stalinu udalos' obmanut' Zapad: prinyatie Konstitutsii 1936 goda s pozitsiy politicheskogo piara* [How Stalin Deceived the West: the Adoption of 1936 Soviet Constitution as Political PR-action]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World.* 2016. Issue 3. Pp. 122–138. (In Russ.).
 24. *Medushevskiy A. N.* *Ekspert konstitutsionalizma: amerikanskaya model' v Yaponii i Germanii* [Export of Constitutionalism: American Model in Japan and Germany]. *Kosmopolis – Cosmopolis.* 2006. Issue 1. Pp. 134–147. (In Russ.).

- на // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 3(118). С. 46–70.
40. Сулов Е. В. Институциональный дизайн как фактор институционализации политических конфликтов (на примере Эстонской Республики) // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154, кн. 1. С. 246–253.
41. Тертышный С. А. Институциональный дизайн модернизации российской экономики и общества // Проблемы современной экономики. 2013. № 3(47). С. 36–41; № 4(48). С. 72–76.
42. Фейхтвангер Л. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей / пер. с нем. М.: Худож. лит., 1937. 160 с.
43. Франкенберг Г. Сравнительный конституционный дизайн / пер. с англ. Д. Шустрова // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 5. С. 152–158.
44. Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. М.: Норма, 2005. 319 с.
45. Ханс-Адам II, Правящий Князь Лихтенштейна. Государство в третьем тысячелетии / пер. с англ. А. Б. Мухаметшин. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 314 с.
46. Шахрай С. М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований. М., 2013. 919 с.
47. Шнайдер Э. Политическая система Российской Федерации / пер. с нем. М.: ИНИОН РАН, 2002. 264 с.
48. Юдин Ю. А. Сравнительное конституционное право: учеб. пособие / отв. ред. В. Е. Чиркин. М.: Междунар. отношения, 2002. 446 с.
49. Buchanan J. M., Tullock G. The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962. 361 p.
50. Congleton R. D., Swedenborg B. Introduction: Rational Choice, Politics, and Political Institutions: Toward a Science of Constitutional Design // Democratic Constitutional Design and Public Policy: Analysis and Evidence / Ed. by R. D. Congleton, B. Swedenborg. Cambridge: MIT Press, 2006. Pp. 1–40.
51. Constitutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation? / Ed. by S. Choudry. Oxford; New York: Oxford University Press, 2008. 474 p.
52. Dougherty K. L., Edward J. The Calculus of Consent and Constitutional Design. New York: Springer, 2011. 117 p.
53. Duverger M. Echee au roi. P. Michel, 1978. 21 p.
54. Elazar D. J. The Principles and Traditions Underlying State Constitutions // Publius. 1982. Vol. 12, № 1. Pp. 11–25.
55. Elster J., Offe C., Preuss U. K. Institutional Design in Post-Communist Societies. Rebuilding the Ship at Sea. Cambridge. New York: Cambridge University Press, 1998. 350 p.
56. Frankenberg G. Order from Transfer: Comparative Constitutional Design and Legal Culture. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2013. 366 p.
57. Frankenberg G. Ginsburg Tom. (ed.). Comparative Constitutional Design. Cambridge University Press, 2012. 393 p. // International Journal of Constitutional Law. 2013. Vol. 11, № 2. Pp. 537–542.
58. Gelard P. Les specifics constitutionnelles Russes // L'etat et le droit d'est en ouest: melanges offerts au professeur Michel Lesage. 2006. Pp. 27–34.
59. Ginsburg T. Comparative Constitutional Design. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2012. 393 p.
60. Ginsburg T., Huq A. Assessing Constitutional Performance. New York: Cambridge University Press, 2016. 442 p.
61. Ginsburg T. Introduction // Comparative Constitutional Design. Cambridge University Press, 2012. Pp. 1–12.
62. Horowitz D. L. Constitutional Design: Proposals Versus Processes // The Architecture of Democracy: Constitutional Design, Conflict Management, and Democracy / Ed. by A. Reynolds. New York: Oxford University Press, 2002. Pp. 15–36.
63. Laffont J.-J. Political economy, information and incentives // European Economic Review. 1999. Vol. 43. Pp. 649–669.
64. Lijphart A. Constitutional Design for Divided Societies // Journal of Democracy. 2004. Vol. 15, № 2. Pp. 96–109.
65. Louis M. Imbeau, Steve Jacob. Behind a Veil of Ignorance? Power and Uncertainty in Constitutional Design. Springer International Publishing. Studies in Public Choice. 2015. Vol. 32. 243 p.
66. Lutz D. S. Principles of Constitutional Design. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2006. 261 p.
67. Pitkin H. F. The Idea of a Constitution // Journal of Legal Education. 1987. № 37(2). Pp. 167–169.
68. Przeworski A. Minimalist Conception of Democracy: A Defense // The Democracy Sourcebook / Ed. by R. Dahl, I. Shapiro, J. A. Cheibub. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 2003. Pp. 12–17.

25. Mishin A. A. Konstitutsionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnykh stran [Constitutional (State) Law of Foreign Countries]. Moscow, 2013. 520 p. (In Russ.).
26. Mukhametov R. S. Regional'nyy politicheskiy rezhim: institutsional'nyy dizayn (na primere Sverdlovskoy oblasti) [Regional Political Regime: Institutional Design (a Case Study of the Sverdlovsk Region)]. Diskurs-Pi – Discourse-P. 2015. Issue 1. Pp. 134–137. (In Russ.).
27. Nikonov V. Konstitutsionnyy dizayn [Constitutional Design]. Sovremennaya rossiyskaya politika: Kurs lektsiy [Contemporary Russian Politics: Course of Lectures]. Moscow, 2007. 418 p. (In Russ.).
28. Parkinson C. N. Zakony Parkinsona: Sbornik: Per. s angl.; Sost. i avt. predisl. V. S. Murav'ev [Parkinson's Law: Collection; transl. from Eng.; ed. by V. S. Murav'ev]. Moscow, 1989. 448 p. (In Russ.).
29. Patrikeeva O. A. Vtoroe rozhdenie Tavricheskogo: perestroyka pomeshcheniya dvortsa dlya raboty Gosudarstvennoy dumy Rossiyskoy imperii [The Rebirth of the Tauride Palace: Reconstruction of Premises of the Palace for the State Duma of the Russian Empire]. Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia. 2016. Issue 2. Pp. 95–107. (In Russ.).
30. Petrukhina M. A. Konstitutsionnyy dizayn i konsolidatsiya demokratii v stranakh tret'yey volny demokratizatsii [Constitutional Design and Democracy Consolidation in Countries of Third Wave Democratization]. Politicheskaya nauka – Political Science. 2012. Issue 3. Pp. 214–247. (In Russ.).
31. Pogulich O. V. Institutsional'nyy dizayn antikorrupsionnoy politiki v sub'ektakh baykal'skogo regiona Rossiyskoy Federatsii [Institutional Design of the Anticorruption Policy in the Subjects of the Baikal Region of the Russian Federation]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University. 2015. Issue 2(62). Vol. 2. Pp. 81–84. (In Russ.).
32. Ponkin I. V. Gomeostaz sistemy gosudarstvennogo upravleniya [Homeostasis of the Public Administration System]. Gosudarstvennaya sluzhba – Public Administration. 2018. No. 3. Pp. 18–22. (In Russ.).
33. Populyarnaya khudozhestvennaya entsiklopediya. Pod red. V. M. Polevogo [Popular Art Encyclopedia; ed. by V. M. Polevoy]. Moscow, 1986. 447 p. (In Russ.).
34. Poroshin A. V. Vliyanie konstitutsionnogo dizayna na ustoychivost' odnopartiynogo dominirovaniya [Influence of the Constitutional Design on Longevity of Single-Party Domination]. Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya – Review of Political Science. 2017. Issue 1. Pp. 87–97. (In Russ.).
35. Ronin S. L. Istoriya razrabotki, utverzhdeniya i razvitiya stalinskoy konstitutsii [The History of the Drafting, Approval and Development of the Stalin Constitution]. Moscow, 1951. 143 p. (In Russ.).
36. Sapronova M. A. Arabskiy Vostok: vlast' i konstitutsii [The Arab East: Power and Constitutions]. Moscow, 2001. 216 p. (In Russ.).
37. Slovar' inostrannykh slov. 18-e izd., ster. [Dictionary of Foreign Words; 18th ed., stereotype]. Moscow, 1989. 624 p. (In Russ.).
38. Sravnitel'noe konstitutsionnoe pravo. Uchebnoe posobie. Otv red. V. E. Chirkin [Comparative Constitutional Law: Textbook; ed. by V. E. Chirkin]. Moscow, 2002. 448 p. (In Russ.).
39. Stepanov D. I. Ideologicheskaya neytral'nost' institutov konstitutsionnogo dizayna [Ideological Neutrality of Constitutional Design Institutions]. Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review. 2017. Issue 3 (118). Pp. 46–70. (In Russ.).
40. Suslov E. V. Institutsional'nyy dizayn kak faktor institutsionalizatsii politicheskikh konfliktov (na primere Estonskoy Respubliki) [Institutional Design as a Factor of Institutionalisation of Political Conflicts (the Republic of Estonia Case Study)]. Uchenye zapiski Kazanskogo Universiteta. Gumanitarnye nauki – Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki. 2012. Vol. 154. Issue 1. Pp. 246–253. (In Russ.).
41. Tertyshnyy S. A. Institutsional'nyy dizayn modernizatsii rossiyskoy ekonomiki i obshchestva [Institutional Design of Modernization In Russian Economy and Society]. Problemy sovremennoy ekonomiki – Problems of Modern Economics. 2013. Issue 3(47). Pp. 36–41; Issue 4(48). Pp. 72–76. (In Russ.).
42. Feuchtwanger L. Moskva 1937. Otchet o poyezdke dlya moikh druzey / per. s nem. [Moscow, 1937. The Trip Report for My Friends; transl. from Germ.]. Moscow, 1937. 160 p. (In Russ.).
43. Frankenberg G. Sravnitel'nyy konstitutsionnyy dizayn. Per. s angl. D. Shustrova [Comparative Constitutional Design; transl. from Eng. by D. Shustrov]. Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review. 2013. Issue 5. Pp. 152–158. (In Russ.).
44. Khabrieva T. Ya., Chirkin V. E. Teoriya sovremennoy konstitutsii [The Theory of the Modern Constitution]. Moscow, 2005. 319 p. (In Russ.).
45. Hans-Adam II, Prince of Liechtenstein. Gosudarstvo v tret'yem tysyacheletii / per. s angl.

69. *Ro Joseph Barton Starr*. The United States Constitution: Its Birth, Growth and Influence in Asia. Hong Kong University Press, 1988. 322 p.
70. *Sartori Giovanni*. Comparative Constitutional Engineering. An Inquiry into Structures, Incentives and Outcomes. Macmillan Press LTD. 1994. 231 p.
71. *Shugart M. S., Carey J. M.* Presidents and assemblies: Constitutional design and electoral dynamics. New York: Cambridge University Press, 1992. 332 p.
72. *Simeon R.* Constitutional Design and Change in Federal Systems: Issues and Questions // The Journal of Federalism. 2009. Vol. 39, № 2. Pp. 241–261.
73. *Tom Ginsburg* (ed.). Comparative Constitutional Design. Cambridge University Press, 2012. 406 p.
- References**
1. *Anakhin T. V.* *Institutsional'nyy dizayn Rossii: evolyutsiya obshchestvennoy sistemy i sotsial'naya transformatsiya* [Issues of Russia's Institutional Design: Evolution of Public System and Social Transformation]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* – The Buryat State University Bulletin. 2013. Issue 6. Pp. 129–133. (In Russ.).
 2. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* / Sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language; ed. by S. A. Kuznetsov]. Institute for Linguistic Studies, RAS. St. Petersburg, 2000. 1536 p. (In Russ.).
 3. *Borisov N. A.* *Institutsional'nyy dizayn gosudarstv tsentral'noy Azii v protsesse transformatsii politicheskikh rezhimov: sluchai Uzbekistana i Kyrgyzstana* [Institutional Design of the Central Asian States in the Transformation Process of Political Regimes: the Cases of Uzbekistan and Kyrgyzstan]. *Politicheskaya nauka* – Political Science. 2014. Issue 1. Pp. 159–180. (In Russ.).
 4. *Brodsky I.* *Forma vremeni*. V 2 t. [The Shape of Time. In 2 vols.]. Minsk, 1992. 480 p. (In Russ.).
 5. *Voevodin L. D., Zlatopol'skiy D. L., Kuprits N. Ya.* *Gosudarstvennoe pravo stran narodnoy demokratii* [Public Law of the Countries of People's Democracy]. Moscow, 1960. 631 p. (In Russ.).
 6. *Glazychev L.* *O dizayne. Ocherki po teorii i praktike dizayna na Zapade* [On Design. Essays on the Theory and Practice of Design in the West]. Moscow, 1970. 108 p. (In Russ.).
 7. *Golosov G. V., Liechtenstein A. V.* "Partii vlasti" i rossiyskiy institutsional'nyy dizayn: teoreticheskiy analiz [The "Parties of Power" and the Russian Institutional Design: Theoretical Analysis]. *Polis* – Polis. Political Studies. 2001. Issue 1. Pp. 6–15. (In Russ.).
 8. *Gudoshnikov L. M. et al.* *Gosudarstvennoe pravo stran narodnoy demokratii* [Public Law of the Countries of People's Democracy]. Moscow, 1961. 572 p. (In Russ.).
 9. *Gureeva N. P.* *Nekotorye voprosy razvitiya konstitutsionalizma v Mongolii* [Some Questions of Constitutionalism-Development in Mongolia]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* – MGIMO Review of International Relations. 2011. Issue 5. Pp. 182–188. (In Russ.).
 10. *Dnevnik Smirnovoy-Sazonovoy S. I. Yanvar' - sentyabr' 1906 g.* [Diary of S.I. Smirnova-Sazonova. January-September 1906]. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences. Fund 285. Inventory 1. File 48. (In Russ.).
 11. *Durdenevskiy V. N.* *Poslevoennye konstitutsii Zapada* [Post-War Constitutions of the West]. Leningrad. Issue 1. 1924. 136 p. (In Russ.).
 12. *Egorova T. V.* *Slovar' inostrannykh slov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of Foreign Words of the Modern Russian Language]. Moscow, 2014. 800 p. (In Russ.).
 13. *Il'inskiy I. P., Shchetinin B. V.* *Gosudarstvennoe pravo stran narodnoy demokratii* [Public Law of the Countries of People's Democracy]. Moscow, 1964. 355 p. (In Russ.).
 14. *Konstitutsiya v XXI veke: sravnitel'no-pravovoe issledovanie*; otv. red. V. E. Chirkin [Constitution in the 21st Century: Comparative Legal Study; ed. by V. E. Chirkin]. Moscow, 2011. 656 p. (In Russ.).
 15. *Konstitutsionnoe pravo sotsialisticheskikh stran* [Constitutional Law of Socialist Countries]. Moscow, 1963. 327 p. (In Russ.).
 16. *Krasnov M. A.* *Postsovetskie gosudarstva: est' li zavisimost' politicheskogo rezhima ot konstitutsionnogo dizayna?* [Post-Soviet States: Does a Political Regime Depend on the Constitutional Design?]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* – Comparative Constitutional Review. 2014. Issue 2(99). Pp. 29–45. (In Russ.).
 17. *Kuritsyn V. M., Shalyagin D. D.* *Opyt stanovleniya konstitutsionalizma v SSHA, Yaponii i Sovetskoy Rossii* [Experience in the Formation of Constitutionalism in the United States of America, Japan and Soviet Russia]. Moscow, 2004. 496 p. (In Russ.).
 18. *Lakoff G., Johnson M.* *Metafori, kotorymi my zhivem*: Per. s angl.; pod red. i s predisl. A. N. Baranova [Metaphors We Live By; transl. from Eng.; ed. by A. N. Baranov]. Moscow, 2004. Pp. 25–43. (In Russ.).
 19. *Mukhametshin A. B.* [The State in the Third Millennium; transl. from Eng. by A. B. Mukhametshin]. Moscow, 2012. 314 p. (In Russ.).
 20. *Shakhray S. M.* *O Konstitutsii: Osnovnoy zakon kak instrument pravovykh i sotsial'no-politicheskikh preobrazovaniy* [On the Constitution: Basic Law as an Instrument for Legal and Socio-Political Reforms]. Moscow, 2013. 919 p. (In Russ.).
 21. *Schneider E.* *Politicheskaya sistema Rossiyskoy Federatsii* / Per. s nem. [Political System of the Russian Federation; transl. from Germ.]. Moscow, 2002. 264 p. (In Russ.).
 22. *Yudin Yu. A.* *Sravnitel'noe konstitutsionnoe pravo: uchebnoe posobie*. Otв. red. V. E. Chirkin [Comparative Constitutional Law: Textbook; ed. by V. E. Chirkin.]. Moscow, 2002. 446 p. (In Russ.).
 23. *Buchanan J. M., Tullock G.* *The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962. 361 p. (In Eng.).
 24. *Congleton R. D., Swedenborg B.* Introduction: Rational Choice, Politics, and Political Institutions: Toward a Science of Constitutional Design. *Democratic Constitutional Design and Public Policy: Analysis and Evidence*; ed. by R. D. Congleton, B. Swedenborg. Cambridge: MIT Press, 2006. Pp. 408–435. (In Eng.).
 25. *Constitutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation?*; ed. by S. Choudry. Oxford; New York: Oxford University Press, 2008. 474 p. (In Eng.).
 26. *Dougherty K. L., Edward J.* *The Calculus of Consent and Constitutional Design*. New York: Springer, 2011. 117 p. (In Eng.).
 27. *Duverger M.* *Echec au roi*. Paris: Michel, 1978. 21 p. (In French).
 28. *Elazar D. J.* *The Principles and Traditions Underlying State Constitutions*. *Publius*. 1982. Vol. 12. Issue 1. Pp. 11–25. (In Eng.).
 29. *Elster J., Offe C., Preuss U. K.* *Institutional Design in Post-Communist Societies. Rebuilding the Ship at Sea*. New York: Cambridge University Press, 1998. 350 p. (In Eng.).
 30. *Frankenberg G.* *Order from Transfer: Comparative Constitutional Design and Legal Culture*. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2013. 366 p. (In Eng.).
 31. *Frankenberg G., Tom Ginsburg* (ed.). *Comparative Constitutional Design*. Cambridge University Press, 2012. 393 p. *International Journal of Constitutional Law*. 2013. Vol. 11. No. 2. Pp. 537–542. (In Eng.).
 32. *Gelard P.* *Les specifics constitutionnelles Russes. L'etat et le droit d'est en ouest*. *Melanges offerts au professeur Michel Lesage*. 2006. 397 p. (In French).
 33. *Ginsburg T.* *Comparative Constitutional Design*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2012. Pp. xi, 393 p. (In Eng.).
 34. *Ginsburg T., Huq A.* *Assessing Constitutional Performance*. New York: Cambridge University Press, 2016. 442 p. (In Eng.).
 35. *Ginsburg T.* Introduction. *Comparative Constitutional Design*; ed. by T. Ginsburg. Cambridge University Press, 2012. 393 p. (In Eng.).
 36. *Horowitz D. L.* *Constitutional Design: Proposals Versus Processes. The Architecture of Democracy: Constitutional Design, Conflict Management, and Democracy*; ed. by A. Reynolds. New York: Oxford University Press, 2002. 507 p. (In Eng.).
 37. *Laffont J.-J.* *Political Economy, Information and Incentives*. *European Economic Review*. 1999. Vol. 43. Pp. 649–669. (In Eng.).
 38. *Lijphart A.* *Constitutional Design for Divided Societies*. *Journal of Democracy*. 2004. Vol. 15. No. 2. Pp. 96–109. (In Eng.).
 39. *Louis M. Imbeau, Steve Jacob.* *Behind a Veil of Ignorance? Power and Uncertainty in Constitutional Design*. Springer International Publishing. *Studies in Public Choice*. 2015. Vol. 32. 243 p. (In Eng.).
 40. *Lutz D. S.* *Principles of Constitutional Design*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2006. 261 p. (In Eng.).
 41. *Pitkin H. F.* *The Idea of a Constitution*. *Journal of Legal Education*. 1987. Pp. 167–169. (In Eng.).
 42. *Przeworski A.* *Minimalist Conception of Democracy: A Defense*. *The Democracy Sourcebook*; ed. by R. Dahl, I. Shapiro, J. A. Cheibub. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 2003. 556 p. (In Eng.).
 43. *Ro Joseph Barton Starr*. The United States Constitution: Its Birth, Growth and Influence in Asia. Hong Kong University Press, 1988. 322 p. (In Eng.).
 44. *Sartori Giovanni*. Comparative Constitutional Engineering. An Inquiry into Structures, Incentives and Outcomes. Macmillan Press LTD. 1994. 231 p. (In Eng.).
 45. *Shugart M. S., Carey J. M.* Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. New York: Cambridge University Press, 1992. 332 p. (In Eng.).
 46. *Simeon R.* Constitutional Design and Change in Federal Systems: Issues and Questions. *The Journal of Federalism*. 2009. Vol. 39. Issue 2. Pp. 241–261. (In Eng.).
 47. *Tom Ginsburg* (ed.). Comparative Constitutional Design. Cambridge University Press, 2012. 406 p. (In Eng.).

19. Lassalle F. O sushchnosti konstitutsii. Rech', proiznesennaya v odnom berlinskom byurger-skom okruzhnom sobranii v 1862 godu [On the Essence of the Constitution. Speech Delivered in a Berlin Burgher District Meeting in 1862]. St. Petersburg, 1906. 64 p. (In Russ.).
20. Laffont J.-J. Stimuly i politekonomiya [Incentives and Political Economy]. Moscow, 2008. 311 p. (In Russ.).
21. Makartsev A. A. Vsenarodnoe obsuzhdenie proekta Konstitutsii SSSR 1936 goda kak etap legitimatsii stalinskogo zakonodatel'stva [Public Discussion of the Draft Constitution of the USSR of 1936 as a Stage of Legitimation of Stalin Legislation]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Pravo" – Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Law. 2006. Vol. 2. Issue 2. Pp. 28–38. (In Russ.).
22. Mau V. A. Ekonomika i vlast': opyt postkommunisticheskoy transformatsii. Ekonomicheskaya reforma: skvoz' prizmu konstitutsii i politiki [Economy and Power: the Experience of Post-Communist Transformation. Economic Reform: Through the Prism of the Constitution and Politics]. Moscow, 2017. 352 p. (In Russ.).
23. Medushevskiy A. N. Kak Stalinu udalos' obmanut' Zapad: prinyatie Konstitutsii 1936 goda s pozitsiy politicheskogo piara [How Stalin Deceived the West: the Adoption of 1936 Soviet Constitution as Political PR-action]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World. 2016. Issue 3. Pp. 122–138. (In Russ.).
24. Medushevskiy A. N. Eksport konstitutsionalizma: amerikanskaya model' v Yaponii i Germanii [Export of Constitutionalism: American Model in Japan and Germany]. Kosmopolis – Cosmopolis. 2006. Issue 1. Pp. 134–147. (In Russ.).
25. Mishin A. A. Konstitutsionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnykh stran [Constitutional (State) Law of Foreign Countries]. Moscow, 2013. 520 p. (In Russ.).
26. Mukhametov R. S. Regional'nyy politicheskiy rezhim: institutsional'nyy dizayn (na primere Sverdlovskoy oblasti) [Regional Political Regime: Institutional Design (a Case Study of the Sverdlovsk Region)]. Diskurs-Pi – Discourse-P. 2015. Issue 1. Pp. 134–137. (In Russ.).
27. Nikonov V. Konstitutsionnyy dizayn [Constitutional Design]. Sovremennaya rossiyskaya politika: Kurs lektsiy [Contemporary Russian Politics: Course of Lectures]. Moscow, 2007. 418 p. (In Russ.).
28. Parkinson C. N. Zakony Parkinsova: Sbornik: Per. s angl.; Sost. i avt. predisl. V. S. Murav'ev [Parkinson's Law: Collection; transl. from Eng.; ed. by V. S. Murav'ev]. Moscow, 1989. 448 p. (In Russ.).
29. Patrikeeva O. A. Vtoroe rozhdenie Tavricheskogo: perestroyka pomeshcheniya dvortsa dlya raboty Gosudarstvennoy dumy Rossiyskoy imperii [The Rebirth of the Tauride Palace: Reconstruction of Premises of the Palace for the State Duma of the Russian Empire]. Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia. 2016. Issue 2. Pp. 95–107. (In Russ.).
30. Petrukhina M. A. Konstitutsionnyy dizayn i konsolidatsiya demokratii v stranakh tret'yey volny demokratizatsii [Constitutional Design and Democracy Consolidation in Countries of Third Wave Democratization]. Politicheskaya nauka – Political Science. 2012. Issue 3. Pp. 214–247. (In Russ.).
31. Pogulich O. V. Institutional'nyy dizayn antikorrupsionnoy politiki v sub'ektakh baykal'skogo regiona Rossiyskoy Federatsii [Institutional Design of the Anticorruption Policy in the Subjects of the Baikal Region of the Russian Federation]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University. 2015. Issue 2(62). Vol. 2. Pp. 81–84. (In Russ.).
32. Ponkin I. V. Gomeostaz sistemy gosudarstvennogo upravleniya [Homeostasis of the Public Administration System]. Gosudarstvennaya sluzhba – Public Administration. 2018. No. 3. Pp. 18–22. (In Russ.).
33. Populyarnaya khudozhestvennaya entsiklopediya. Pod red. V. M. Polevogo [Popular Art Encyclopedia; ed. by V. M. Polevoy]. Moscow, 1986. 447 p. (In Russ.).
34. Poroshin A. V. Vliyaniye konstitutsionnogo dizayna na ustoychivost' odnopartiynogo dominirovaniya [Influence of the Constitutional Design on Longevity of Single-Party Dominance]. Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya – Review of Political Science. 2017. Issue 1. Pp. 87–97. (In Russ.).
35. Ronin S. L. Istoriya razrabotki, utverzhdeniya i razvitiya stalinskoy konstitutsii [The History of the Drafting, Approval and Development of the Stalin Constitution]. Moscow, 1951. 143 p. (In Russ.).
36. Saprionova M. A. Arabskiy Vostok: vlast' i konstitutsii [The Arab East: Power and Constitutions]. Moscow, 2001. 216 p. (In Russ.).
37. Slovar' inostrannykh slov. 18-e izd., ster. [Dictionary of Foreign Words; 18th ed., stereotype]. Moscow, 1989. 624 p. (In Russ.).
38. Sravnitel'noye konstitutsionnoye pravo. Uchebnoye posobie. Otv red. V. E. Chirkin [Comparative Constitutional Law: Textbook; ed.

References in Russian

1. Анахин Т. В. Институциональный дизайн России: эволюция общественной системы и социальная трансформация // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 6. С. 129–133.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов; Ин-т лингв. исследований РАН. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
3. Борисов Н. А. Институциональный дизайн государств центральной Азии в процессе трансформации политических режимов: случаи Узбекистана и Кыргызстана // Политическая наука. 2014. № 1. С. 159–180.
4. Бродский И. Форма времени: в 2 т. Минск, 1992. 480 с.
5. Воеводин Л. Д., Златопольский Д. Л., Курприц Н. Я. Государственное право стран народной демократии. М., 1960. 631 с.
6. Глазычев Л. О дизайне. Очерки по теории и практике дизайна на Западе. М.: Искусство, 1970. 108 с.
7. Голосов Г. В. Лихтенштейн А. В. "Партии власти" и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // Полис. 2001. № 1. С. 6–15.
8. Гудошников Л. М. и др. Государственное право стран народной демократии. М., 1961. 572 с.
9. Гуреева Н. П. Некоторые вопросы развития конституционализма в Монголии // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 5. С. 182–188.
10. Дневник Смирновой-Сазоновой С. И. Январь-сентябрь 1906 г. / Рукописный отдел Ин-та русской литературы и искусства Российской академии наук. Ф. 285. Оп. 1. Д. 48.
11. Дурденевский В. Н. Послевоенные конституции Запада. Л.: Гос. изд-во, 1924. Вып. 1. 136 с.
12. Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.
13. Ильинский И. П., Щетинин Б. В. Государственное право стран народной демократии. М., 1964. 355 с.
14. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. В. Е. Чиркин. М.: Норма, 2011. 656 с.
15. Конституционное право социалистических стран. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1963. 327 с.
16. Краснов М. А. Постсоветские государства: есть ли зависимость политического режима от конституционного дизайна? // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 2(99). С. 29–45.
17. Курицын В. М., Шалягин Д. Д. Опыт становления конституционализма в США, Японии и Советской России. М.: Акад. Проект, Трикста, 2004. 496 с.
18. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 25–43.
19. Лассаль Ф. О сущности конституции. Речь, произнесенная в одном берлинском бюргерском окружном собрании в 1862 году. СПб., 1906. 64 с.
20. Лаффон Ж.-Ж. Стимулы и политэкономия. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 311 с.
21. Макарецев А. А. Всенародное обсуждение Конституции СССР 1936 года как этап легитимации сталинского законодательства // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2006. Т. 2, вып. 2. С. 28–38.
22. Мау В. А. Экономика и власть: опыт посткоммунистической трансформации. Экономическая реформа: сквозь призму конституции и политики. М.: Изд. дом "Дело" РАНХиГС, 2017. 352 с.
23. Медушевский А. Н. Как Сталину удалось обмануть Запад: принятие Конституции 1936 года с позиций политического пиара // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 122–138.
24. Медушевский А. Н. Экспорт конституционализма: американская модель в Японии и Германии // Космополис. 2006. № 1. С. 134–147.
25. Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М.: Статут, 2013. 520 с.
26. Мухаметов Р. С. Региональный политический режим: институциональный дизайн (на примере Свердловской области) // Дискурс-Пи. 2015. № 1. С. 134–137.
27. Никонов В. Конституционный дизайн // Современная российская политика: курс лекций. М., 2007. 418 с.
28. Паркинсон С. Н. Законы Паркинсона: сб. / пер. с англ.; сост. и авт. предисл. В. С. Муравьев. М.: Прогресс, 1989. 448 с.
29. Патрикеева О. А. Второе рождение Таврического: перестройка помещения дворца для работы Государственной думы Российской империи // Новейшая история России. 2016. № 2. С. 95–107.
30. Петрухина М. А. Конституционный дизайн и консолидация демократии в странах третьей волны демократизации // Политическая наука. 2012. № 3. С. 214–247.

- by V. E. Chirkin]. Moscow, 2002. 448 p. (In Russ.).
39. Stepanov D. I. *Ideologicheskaya neytral'nost' institutov konstitutsionnogo dizayna* [Ideological Neutrality of Constitutional Design Institutions]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* – Comparative Constitutional Review. 2017. Issue 3 (118). Pp. 46–70. (In Russ.).
40. Suslov E. V. *Institutsional'nyy dizayn kak faktor institutsionalizatsii politicheskikh konfliktov (na primere Estonskoy Respubliki)* [Institutional Design as a Factor of Institutionalisation of Political Conflicts (the Republic of Estonia Case Study)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo Universiteta. Gumanitarnye nauki* – Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki. 2012. Vol. 154. Issue 1. Pp. 246–253. (In Russ.).
41. Tertyshnyy S. A. *Institutsional'nyy dizayn modernizatsii rossiyskoy ekonomiki i obshchestva* [Institutional Design of Modernization in Russian Economy and Society]. *Problemy sovremennoy ekonomiki* – Problems of Modern Economics. 2013. Issue 3(47). Pp. 36–41; Issue 4(48). Pp. 72–76. (In Russ.).
42. Feuchtwanger L. *Moskva 1937. Otchet o poyezdke dlya moikh druzey* / per. s nem. [Moscow, 1937. The Trip Report for My Friends; transl. from Germ.]. Moscow, 1937. 160 p. (In Russ.).
43. Frankenberg G. *Sravnitel'nyy konstitutsionnyy dizayn*. Per. s angl. D. Shustrova [Comparative Constitutional Design; transl. from Eng. by D. Shustrov]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* – Comparative Constitutional Review. 2013. Issue 5. Pp. 152–158. (In Russ.).
44. Khabrieva T. Ya., Chirkin V. E. *Teoriya sovremennoy konstitutsii* [The Theory of the Modern Constitution]. Moscow, 2005. 319 p. (In Russ.).
45. Hans-Adam II, *Prince of Liechtenstein. Gosudarstvo v tret'yem tysyacheletii* / per. s angl. A.B. Mukhametshin [The State in the Third Millennium; transl. from Eng. by A. B. Mukhametshin]. Moscow, 2012. 314 p. (In Russ.).
46. Shakhrai S. M. *O Konstitutsii: Osnovnoy zakon kak instrument pravovykh i sotsial'no-politicheskikh preobrazovaniy* [On the Constitution: Basic Law as an Instrument for Legal and Socio-Political Reforms]. Moscow, 2013. 919 p. (In Russ.).
47. Schneider E. *Politicheskaya sistema Rossiyskoy Federatsii* / Per. s nem. [Political System of the Russian Federation; transl. from Germ.]. Moscow, 2002. 264 p. (In Russ.).
48. Yudin Yu. A. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe pravo: uchebnoe posobie*. Otv. red. V. E. Chirkin [Comparative Constitutional Law: Text-book; ed. by V. E. Chirkin.]. Moscow, 2002. 446 p. (In Russ.).
49. Buchanan J. M., Tullock G. *The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962. 361 p. (In Eng.)
50. Congleton R. D., Swedenborg B. Introduction: Rational Choice, Politics, and Political Institutions: Toward a Science of Constitutional Design. *Democratic Constitutional Design and Public Policy: Analysis and Evidence*; ed. by R. D. Congleton, B. Swedenborg. Cambridge: MIT Press, 2006. Pp. 408–435. (In Eng.).
51. *Constitutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation?*; ed. by S. Choudry. Oxford; New York: Oxford University Press, 2008. 474 p. (In Eng.).
52. Dougherty K. L., Edward J. *The Calculus of Consent and Constitutional Design*. New York: Springer, 2011. 117 p. (In Eng.).
53. Duverger M. *Echec au roi*. Paris: Michel, 1978. 21 p. (In French).
54. Elazar D. J. *The Principles and Traditions Underlying State Constitutions*. *Publius*. 1982. Vol. 12. Issue 1. Pp. 11–25. (In Eng.).
55. Elster J., Offe C., Preuss U. K. *Institutional Design in Post-Communist Societies. Rebuilding the Ship at Sea*. New York: Cambridge University Press, 1998. 350 p. (In Eng.).
56. Frankenberg G. *Order from Transfer: Comparative Constitutional Design and Legal Culture*. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2013. 366 p. (In Eng.).
57. Frankenberg G., Tom Ginsburg (ed.). *Comparative Constitutional Design*. Cambridge University Press, 2012. 393 p. *International Journal of Constitutional Law*. 2013. Vol. 11. No. 2. Pp. 537–542. (In Eng.).
58. Gelard P. *Les specifics constitutionnelles Russes. L'etat et le droit d'est en ouest*. *Melanges offerts au professeur Michel Lesage*. 2006. 397 p. (In French).
59. Ginsburg T. *Comparative Constitutional Design*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2012. Pp. xi, 393 p. (In Eng.).
60. Ginsburg T., Huq A. *Assessing Constitutional Performance*. New York: Cambridge University Press, 2016. 442 p. (In Eng.).
61. Ginsburg T. Introduction. *Comparative Constitutional Design*; ed. by T. Ginsburg. Cambridge University Press, 2012. 393 p. (In Eng.).
62. Horowitz D. L. *Constitutional Design: Proposals Versus Processes. The Architecture of Democracy: Constitutional Design, Conflict Management, and Democracy*; ed. by A. Reynolds. New York: Oxford University Press, 2012. 393 p. (In Eng.).
31. Погулич О. В. Институциональный дизайн антикоррупционной политики в субъектах байкальского региона Российской Федерации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 2, № 2(62). С. 81–84.
32. Понкин И. В. Гомеостаз системы государственного управления // Государственная служба. 2018. № 3. С. 18–22.
33. Популярная художественная энциклопедия / под ред. В. М. Полевого. М.: Советская энцикл., 1986. 447 с.
34. Порошин А. В. Влияние конституционного дизайна на устойчивость однопартийного доминирования // Вестник Пермского университета. Политология. 2017. Вып. 1. С. 87–97.
35. Ронин С. Л. История разработки, утверждения и развития сталинской конституции. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 143 с.
36. Сапронова М. А. Арабский Восток: власть и конституции. М.: Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Университет); Рос. Полит. Энцикл. (РОССПЭН), 2001. 216 с.
37. Словарь иностранных слов. 18-е изд., стер. М.: Русский язык, 1989. 624 с.
38. Сравнительное конституционное право: учеб. пособие / отв. ред. В. Е. Чиркин. М.: Междунар. отношения, 2002. 448 с.
39. Степанов Д. И. Идеологическая нейтральность институтов конституционного дизайна // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 3(118). С. 46–70.
40. Суслов Е. В. Институциональный дизайн как фактор институционализации политических конфликтов (на примере Эстонской Республики) // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154, кн. 1. С. 246–253.
41. Тertyshnyy S. A. Институциональный дизайн модернизации российской экономики и общества // Проблемы современной экономики. 2013. № 3(47). С. 36–41; № 4(48). С. 72–76.
42. Фейхтвангер Л. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей / пер. с нем. М.: Худож. лит., 1937. 160 с.
43. Франкенберг Г. Сравнительный конституционный дизайн / пер. с angl. Д. Шустрова // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 5. С. 152–158.
44. Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. М.: Норма, 2005. 319 с.
45. Ханс-Адам II, Правящий Князь Лихтенштейна. Государство в третьем тысячелетии / пер. с angl. А. Б. Мухаметшин. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 314 с.
46. Шахрай С. М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований. М., 2013. 919 с.
47. Шнайдер Э. Политическая система Российской Федерации / пер. с нем. М.: ИНИОН РАН, 2002. 264 с.
48. Юдин Ю. А. Сравнительное конституционное право: учеб. пособие / отв. ред. В. Е. Чиркин. М.: Междунар. отношения, 2002. 446 с.
49. Buchanan J. M., Tullock G. *The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962. 361 p.
50. Congleton R. D., Swedenborg B. Introduction: Rational Choice, Politics, and Political Institutions: Toward a Science of Constitutional Design // *Democratic Constitutional Design and Public Policy: Analysis and Evidence* / Ed. by R. D. Congleton, B. Swedenborg. Cambridge: MIT Press, 2006. Pp. 1–40.
51. *Constitutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation?* / Ed. by S. Choudry. Oxford; New York: Oxford University Press, 2008. 474 p.
52. Dougherty K. L., Edward J. *The Calculus of Consent and Constitutional Design*. New York: Springer, 2011. 117 p.
53. Duverger M. *Echec au roi*. P. Michel, 1978. 21 p.
54. Elazar D. J. *The Principles and Traditions Underlying State Constitutions* // *Publius*. 1982. Vol. 12, № 1. Pp. 11–25.
55. Elster J., Offe C., Preuss U. K. *Institutional Design in Post-Communist Societies. Rebuilding the Ship at Sea*. Cambridge. New York: Cambridge University Press, 1998. 350 p.
56. Frankenberg G. *Order from Transfer: Comparative Constitutional Design and Legal Culture*. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2013. 366 p.
57. Frankenberg G. Ginsburg Tom. (ed.). *Comparative Constitutional Design*. Cambridge University Press, 2012. 393 p. // *International Journal of Constitutional Law*. 2013. Vol. 11, № 2. Pp. 537–542.
58. Gelard P. *Les specifics constitutionnelles Russes // L'etat et le droit d'est en ouest: melanges offerts au professeur Michel Lesage*. 2006. Pp. 27–34.
59. Ginsburg T. *Comparative Constitutional Design*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2012. 393 p.

- York: Oxford University Press, 2002. 507 p. (In Eng.).
63. *Laffont J.-J.* Political Economy, Information and Incentives. *European Economic Review*. 1999. Vol. 43. Pp. 649–669. (In Eng.).
64. *Lijphart A.* Constitutional Design for Divided Societies. *Journal of Democracy*. 2004. Vol. 15. No. 2. Pp. 96–109. (In Eng.).
65. *Louis M. Imbeau, Steve Jacob.* Behind a Veil of Ignorance? Power and Uncertainty in Constitutional Design. Springer International Publishing. Studies in Public Choice. 2015. Vol. 32. 243 p. (In Eng.).
66. *Lutz D. S.* Principles of Constitutional Design. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2006. 261 p. (In Eng.).
67. *Pitkin H. F.* The Idea of a Constitution. *Journal of Legal Education*. 1987. Pp. 167–169. (In Eng.).
68. *Przeworski A.* Minimalist Conception of Democracy: A Defense. The Democracy Sourcebook; ed. by R. Dahl, I. Shapiro, J. A. Cheibub. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 2003. 556 p. (In Eng.).
69. *Ro Joseph Barton Starr.* The United States Constitution: Its Birth, Growth and Influence in Asia. Hong Kong University Press, 1988. 322 p. (In Eng.).
70. *Sartori Giovanni.* Comparative Constitutional Engineering. An Inquiry into Structures, Incentives and Outcomes. Macmillan Press LTD. 1994. 231 p. (In Eng.).
71. *Shugart M. S., Carey J. M.* Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. New York: Cambridge University Press, 1992. 332 p. (In Eng.).
72. *Simeon R.* Constitutional Design and Change in Federal Systems: Issues and Questions. *The Journal of Federalism*. 2009. Vol. 39. Issue 2. Pp. 241–261. (In Eng.).
73. *Tom Ginsburg (ed.).* Comparative Constitutional Design. Cambridge University Press, 2012. 406 p. (In Eng.).

60. *Ginsburg T., Huq A.* Assessing Constitutional Performance. New York: Cambridge University Press, 2016. 442 p.
61. *Ginsburg T.* Introduction // *Comparative Constitutional Design*. Cambridge University Press, 2012. Pp. 1–12.
62. *Horowitz D. L.* Constitutional Design: Proposals Versus Processes // *The Architecture of Democracy: Constitutional Design, Conflict Management, and Democracy* / Ed. by A. Reynolds. New York: Oxford University Press, 2002. Pp. 15–36.
63. *Laffont J.-J.* Political economy, information and incentives // *European Economic Review*. 1999. Vol. 43. Pp. 649–669.
64. *Lijphart A.* Constitutional Design for Divided Societies // *Journal of Democracy*. 2004. Vol. 15, № 2. Pp. 96–109.
65. *Louis M. Imbeau, Steve Jacob.* Behind a Veil of Ignorance? Power and Uncertainty in Constitutional Design. Springer International Publishing. Studies in Public Choice. 2015. Vol. 32. 243 p.
66. *Lutz D. S.* Principles of Constitutional Design. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2006. 261 p.
67. *Pitkin H. F.* The Idea of a Constitution // *Journal of Legal Education*. 1987. № 37(2). Pp. 167–169.
68. *Przeworski A.* Minimalist Conception of Democracy: A Defense // *The Democracy Sourcebook* / Ed. by R. Dahl, I. Shapiro, J. A. Cheibub. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 2003. Pp. 12–17.
69. *Ro Joseph Barton Starr.* The United States Constitution: Its Birth, Growth and Influence in Asia. Hong Kong University Press, 1988. 322 p.
70. *Sartori Giovanni.* Comparative Constitutional Engineering. An Inquiry into Structures, Incentives and Outcomes. Macmillan Press LTD. 1994. 231 p.
71. *Shugart M. S., Carey J. M.* Presidents and assemblies: Constitutional design and electoral dynamics. New York: Cambridge University Press, 1992. 332 p.
72. *Simeon R.* Constitutional Design and Change in Federal Systems: Issues and Questions // *The Journal of Federalism*. 2009. Vol. 39, № 2. Pp. 241–261.
73. *Tom Ginsburg (ed.).* Comparative Constitutional Design. Cambridge University Press, 2012. 406 p.